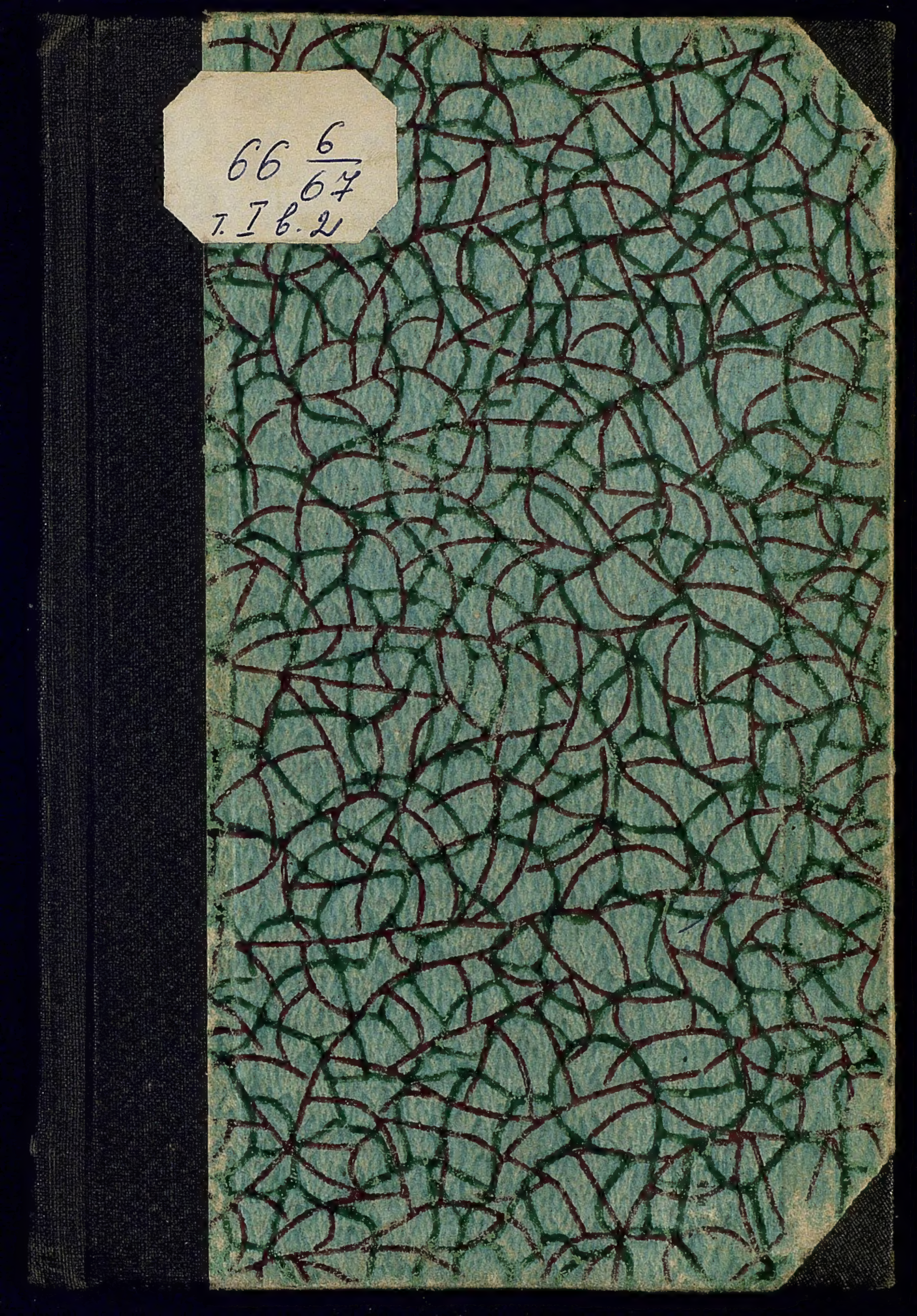
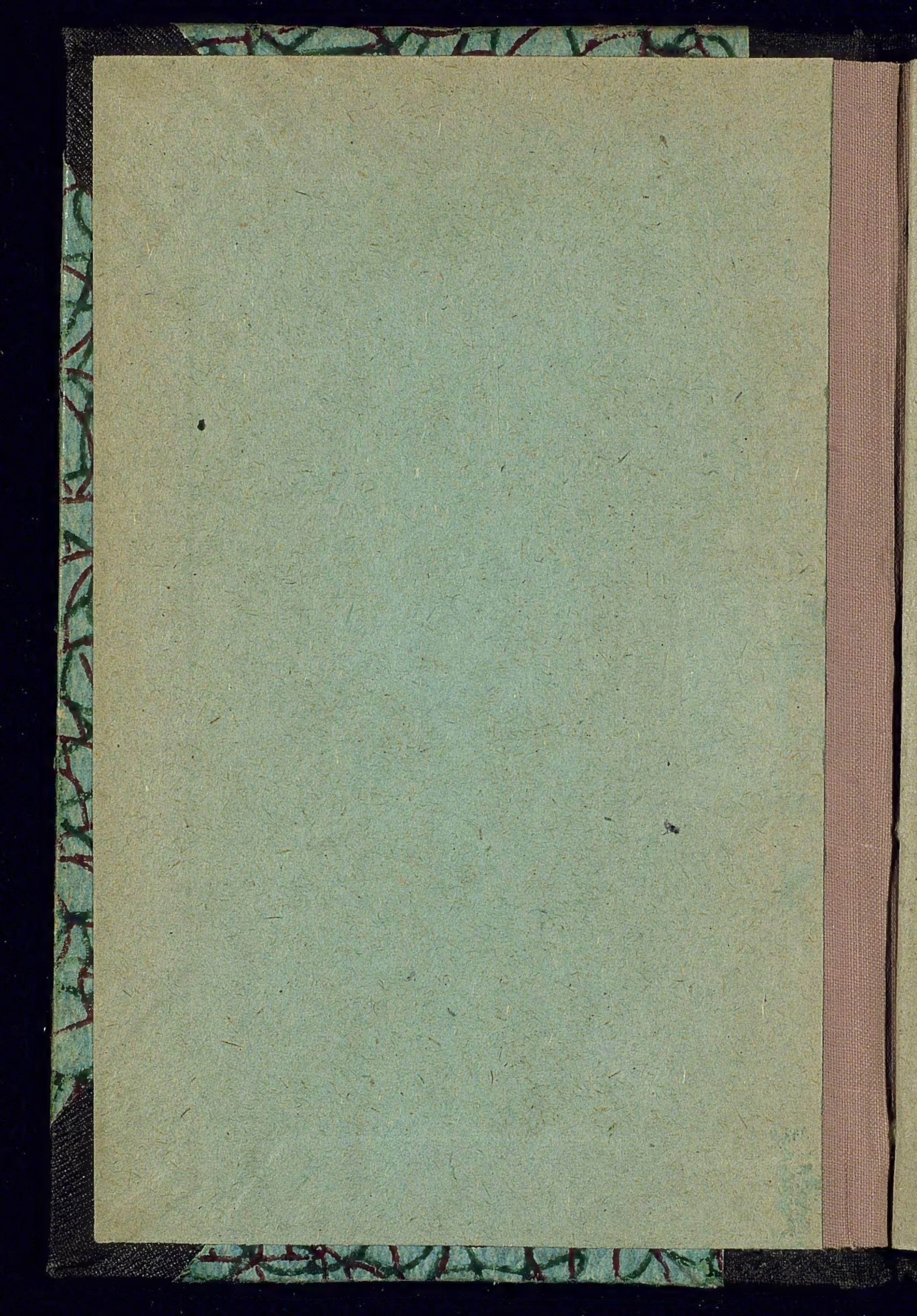
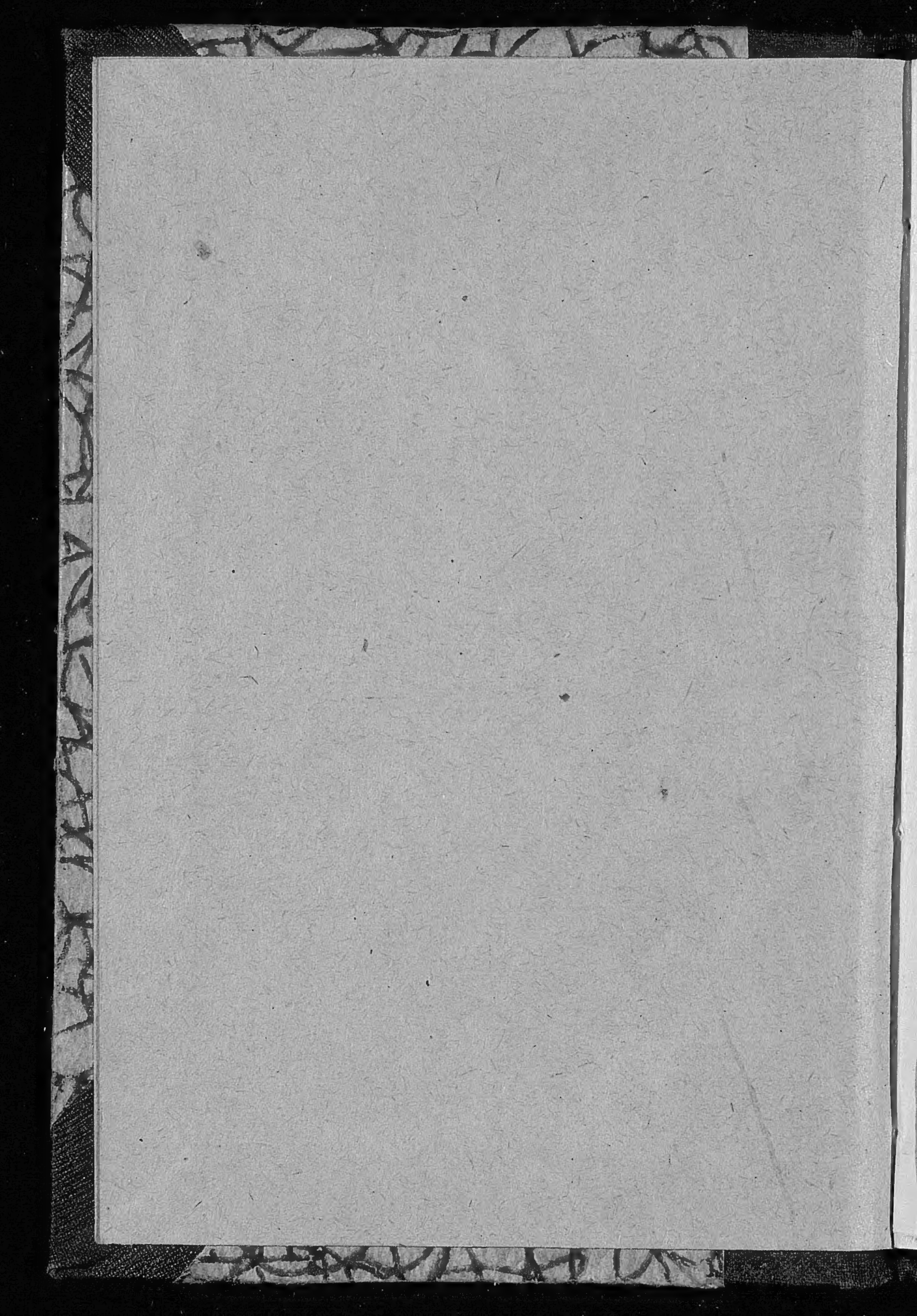
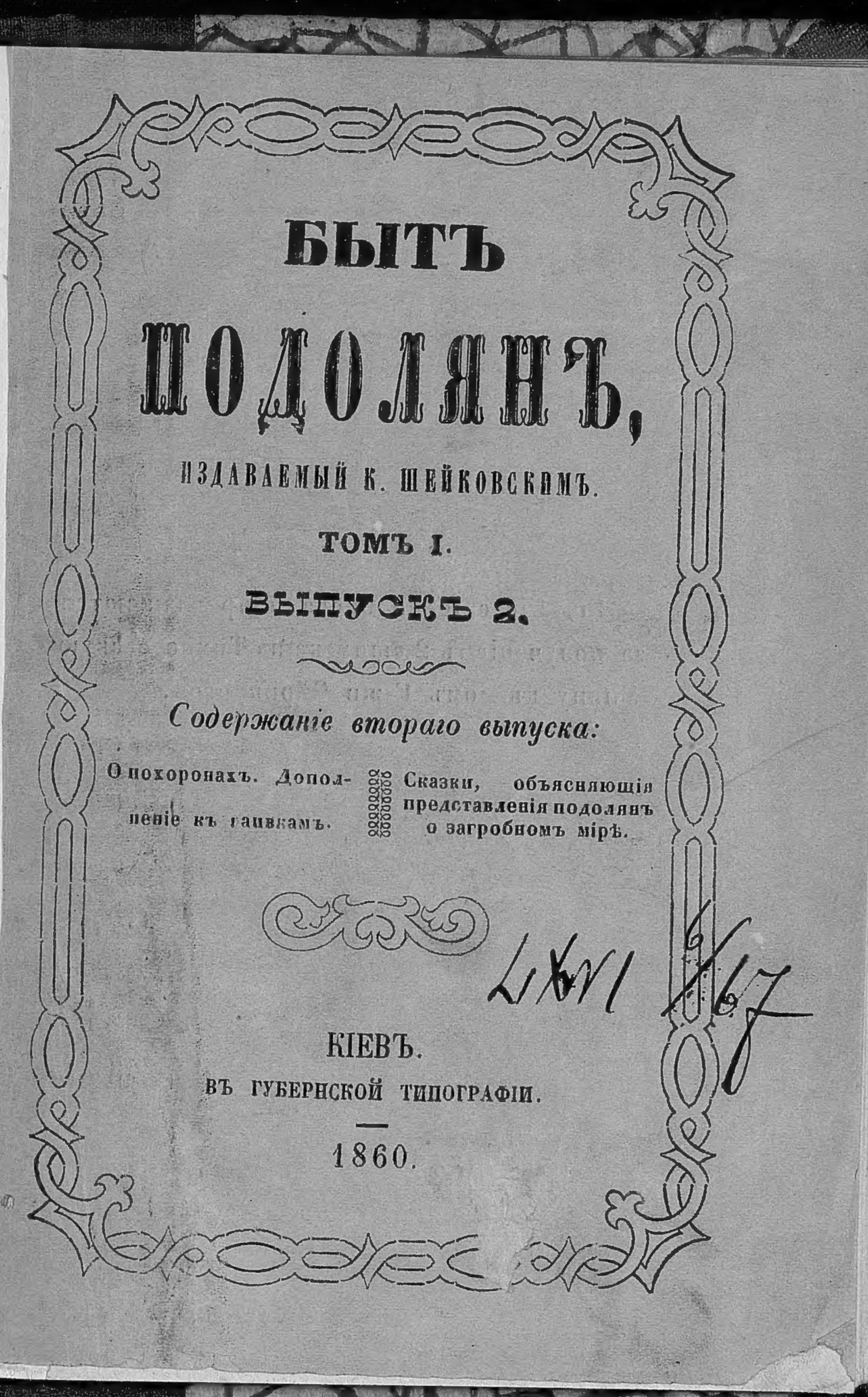

БЫТЪ ПОДОЛЯНЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ К. ШЕЙКОВСКИМЪ.

ТОМЪ I.

ВЫПУСКЪ 2.

Содержаніе втораго выпуска:

О похоронахъ. Дополненіе къ гаивкамъ.

Сказки, объясняющія представленія подолянъ о загробномъ мірѣ.

КІЕВЪ.

ВЪ ГУБЕРНСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

1860.

Гг. Кіевскіе подписчики приглашаются за полученіемъ 2 выпуска на Тимоѳеевскую Улицу въ домъ Г-жи Сѣринковой.

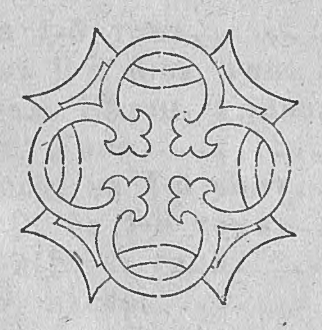
БЫТЪ ПОДОЛЯНЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

К. Шейковскимъ.

ТОМЪ I.

ВЫПУСКЪ 2.

КІЕВЪ.

Въ Губернской Типографіи.

1860.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, что бы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Кіевъ, 4 Февраля 1860 года.

Ценсоръ *А. Лазовъ*.

СПИСОКЪ

лицъ, подписавшихся на Бытъ Подолянъ:

		число экз.
Александровичъ въ г. Кишиневъ		1.
Антоновичъ ст. Унив. Св. Влад		1.
Багинскій М. Ф. ст. Кіев. Д. Ак		1.
Боцяновскій учен. Кіев. Сем		1.
Бернатовичъ В.	Студ	1.
Боярскій		2.
Бугаевъ	Универс	4.
Бутовичъ		1.
Вороной Ѳ. Я.	Св. Вла-	1.
Гинцъ		1.
Грепачевскій	диміра	2.
Ефименко		1.
Дзиньkевичъ на 1-й томъ		1.
Дзюблевскій изъ 2 й Кіев. гим. на 1-й т.		1.
Зозулинъ, учитель Бѣлоц. Гимназіи		1.
Ивановъ А. ст. Унив		1.
Ивановъ, чиновн. на 1-й томъ		1.
Кашубская А. В. на 1-й томъ		2.
Кенскій изъ 2-й Кіев. гимн		1.
Кистяковскій Ѳ. лѣкарь		1.
Корничъ К. Ѳ. на 1-й томъ		1.
Крушельницкій на 1 й томъ въ м. Иржище.		4.
Кржижановскій С.	Студенты	1.
Кулябка	Универси-	1.
Левицкій Ѳ. К.	тета	2.
Леонтовичъ	Св. Влади-	1.
Лычковъ	міра	2.

Лещинскій, лѣкарь........................ 2.
Морачевичъ, свящ. въ Проскуровъ........ 1.
Орловскій М. А. Благоч. свящ. въ с. Глядки. 1.
Пискорскій Студ. .... 4.
Поповъ Университета .... 1.
Рыльскій Ѳ. Св. Владиміра .... 1.
Розумовскій Г. Благоч. свящ. на 1-й томъ. 1.
Савицкій М. М. ст. Унив............... 1.
Самолевскій свящ. въ Нов. Ушицу на 1-й томъ 1.
Синицкій Д. А. студ. Кіевской Акад....... 1.
Стефановичъ А. Л. Студ.............. 1.
Стояновъ А. И. .... 1.
Тарасевичъ Г. .... 1.
Торскій В. Университета.......... 2.
Танасовъ С............................. 1.
Хомицкій А. С. Студенты Унив......... 5.
Шелковичъ .... 1.
Яновичъ .... 1.
Ященко .... 1.
Въ Каменецъ-Подольскъ................. 30.
— Немировъ.............................. 6.
— Тульчинъ.............................. 4.
— Дунаевцы.............................. 1.
— Хмельникъ............................. 3.
— Баръ.................................. 4.

Всего 116.

Цѣна обоимъ выпускамъ »Быта Подолянъ« 60 к. сереб. безъ пересылки. На пересылку прилагается за 1 фунтъ.

Также отпечатаны »*Таблицы для обучен*

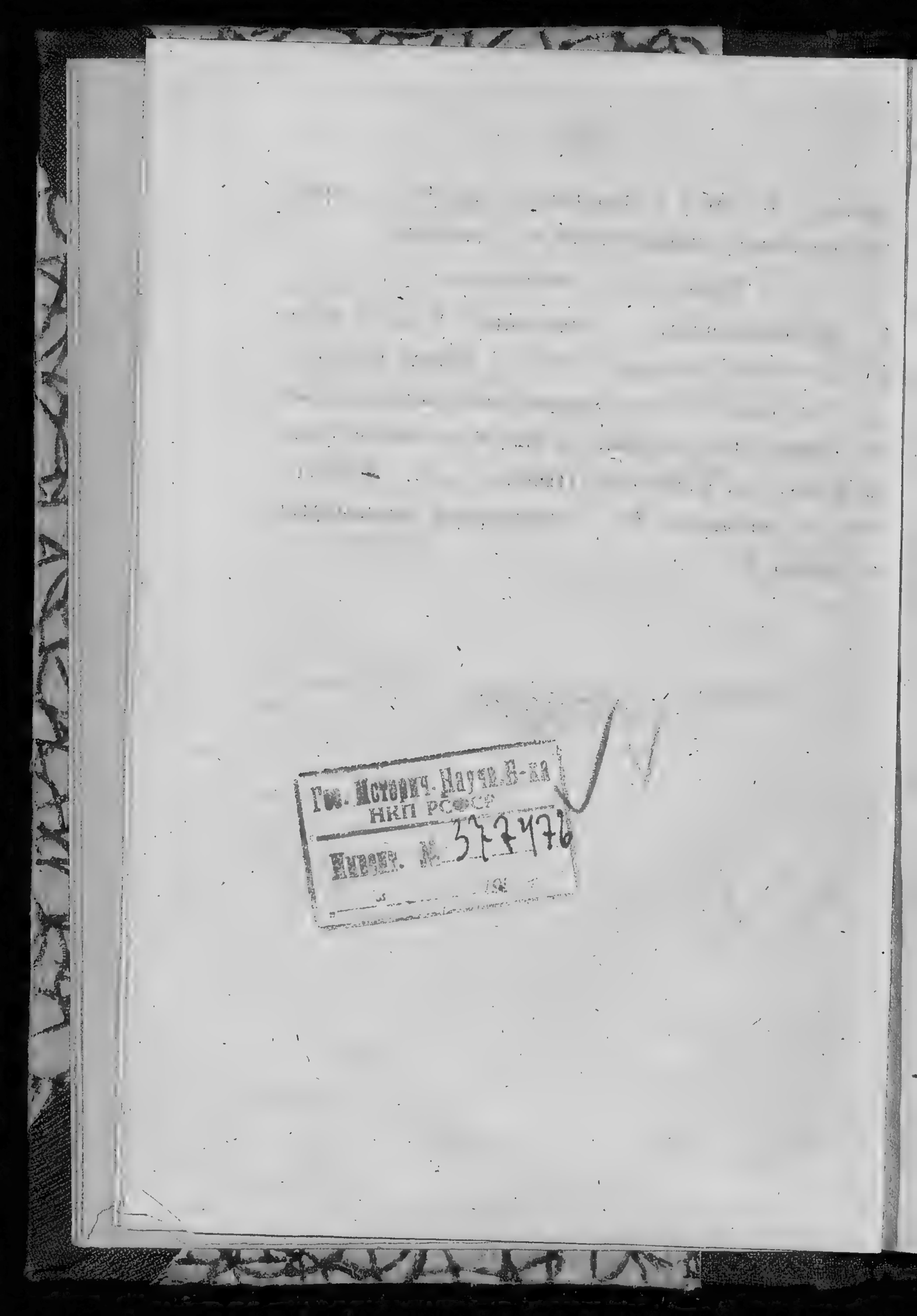
чтенію« (8 таб.) и продаются по 10 к. сереб. На пересылку прилагается за 1 фунтъ.

Кромѣ того, печатаются:

1) »Домашня наука. 1 Початкы« Цѣна 3 к. с.
2) »Початкові тяблыці (10 т.) Цѣна 12 к. с.

Гг. иногородные благоволятъ адресоваться съ своими требованіями въ Кіевъ на имя студента Унив. Св. Владиміра Шейковскаго. Выписывающіе не менѣе 10 экземпляровъ пользуются уступкою 25 %.

О ПОХОРОНАХЪ. [1])

Изучая народные религіозные обряды и повѣрья, не льзя не замѣтить, что они слагались подъ вліяніемъ народнаго быта и условій мѣстности и климата страны, которую народъ занималъ, что они были результатомъ его умственнаго, нравственнаго и эстетическаго развитія. Так. обр., по остаткамъ религіозныхъ обрядовъ и повѣрій данной эпохи можно, до извѣстной степени, судить о состояніи народа въ эту эпоху. Въ этомъ отношеніи, особенно замѣчательны погребальные обряды, потому-что каждый народъ рисовалъ себѣ загробную жизнь по образцу своего быта, обстановлялъ ее въ миніатюрѣ всѣми аттрибутами его. Чѣмъ грубѣе былъ какой-

[1]) Статья эта въ первый разъ была напечатана редакціею »Кіев. Телег«. Теперь она значительно пополнена и измѣнена.

нибудь народъ, тѣмъ и представленія его о загробной жизни получали болѣе грубую оболочку. По мѣрѣ того, какъ совершенствуется матеріальная жизнь народа, совершенствуются, вмѣстѣ съ нею, и религіозные обряды и представленія его о загробной жизни. Если бы мы имѣли полный сборникъ религіозныхъ обрядовъ и повѣрій извѣстнаго народа, и при томъ въ послѣдовательномъ ихъ развитіи, мы имѣли-бы, такъ сказать, аріаднину нить къ изученію доисторической эпохи этого народа; мы знали бы тогда какіе моменты и фазисы развитія онъ прошолъ. Вотъ почему важны реставрація и изученіе древнѣйшихъ религіозныхъ обрядовъ и повѣрій.

Говоря о похоронахъ у подолянъ, мы должны прежде всего представить терминологію южнорусскаго языка, сюда относящуюся. Кромѣ непосредственнаго отношенія ея къ нашей статьѣ, она будетъ служить матеріаломъ для южнорусскаго словаря. За тѣмъ мы опишемъ погребальные обряды, замѣчательные въ какомъ-нибудь отношеніи, изложимъ повѣрья, суевѣрья и различныя примѣты вытекающія изъ некромантическаго культа. Чтобы сохранить мѣстный колоритъ, и передать, какъ можно точнѣе, похороны подо-

лянъ и все къ нимъ относящееся, мы часто будемъ употреблять мѣстныя выраженія и даже цѣлыя тирады, какъ онѣ записаны изъ устъ народа.

II. *Терминологія южнорусскаго языка, относящаяся къ нашему предмету.*

Мы выше сказали, что каждый народъ слагалъ загробную жизнь изъ аттрибутовъ своего быта въ миніатюрѣ. Вотъ доказательство тому: умершему созидали домикъ. Мы знаемъ изъ раскопки кургановъ, что древніе гробы имѣли видъ домика, или шатра, смотря потому принадлежитъ ли курганъ осѣдлому племени или кочевому. Мы знаемъ также, что гробъ въ южнорусскомъ языкѣ называется *домовыною*. Есть и другое слово для обозначенія тогоже предмета, именно: *трунва* (tumulus, tymwos, tymbus, tombeau), видоизмѣняющееся по разнорѣчіямъ въ *труна* *трумна* и др. По всей вѣроятности, слово домовина древнѣе слова трунва.

Мѣсто, гдѣ погребаютъ умершихъ, называется *кладовыще*, *кладвыще* [2]), иногда *цвынтар*, *цмын-*

---

[2]) см. Повісті Квіч'чыні, выдані п. Кулішом. Спб. 1858. Т. I. л. 85. 214.

тар (срав. Kojmeterion, cimetière, cmentarz). Впрочемъ, послѣднее слово чаще всего употребляется для обозначенія пространства, находящагося около церкви и обнесеннаго оградою.

Покойникъ у подолянъ называется—*нэбіщчык, нібощчык*, покойница—*нэбішка, нібошка* (ум.-*жечка*). Дитя, умершее безъ крещенія, называется *потэрча*, въ др. мѣстахъ *поторочa* (—потерянное, погибшее). По прошествіи 7 лѣтъ, онѣ превращаются въ *мавок* (*малок*), *сэмыліток*. *Потэрчата* обыкновенно хоронятся за кладбищемъ или у перекрестка двухъ дорогъ (на розждорожу) «під *фігурою*»[3]). Есть повѣрье, что души ихъ летаютъ близъ мѣста, гдѣ «потерчата» похоронены и вечеромъ у путниковъ просятъ крещенія. По этому и хоронятъ ихъ тамъ, гдѣ бываетъ много проходящихъ. «Хто, говоритъ народное повѣрье, почуе голос іх, повынэн що-небуд' с того щò мае пры собі, пэрэхрэстыты, даты їому мня (имя), тай кынуты. Потэрча воз'ме и зробыц'ця охріщэным». Не на могилахъ-ли потерчатъ въ харьковской губерніи жáден, хто йде, або ідэ, полінце, скіпку, траву,

---

[3]) *Фігурою* называется большой крестъ. Такіе кресты въ под. губ. ставятся преимуществу при большихъ дорогахъ, также въ началѣ или въ концѣ села.

або грутку зэмлі кыдают'» [4])? Подоляне о человѣкѣ навязчивомъ, наскучающемъ обыкновенно говорятъ: «*лізэ, як потэрча*», «*налізає, як поторча*». Основываясь на этихъ поговоркахъ, можно думать, что и потерчата, по народному вѣрованью, очень наскучаютъ и надоѣдаютъ путникамъ.

Агонія, предсмертныя муки называются у подолянъ *скóнаня. Конаты* (корень этого слова *кон*, отсюда происходитъ *за-конъ* и уменьшительныя слова: *кон-ец'*, *кон-чина*) значитъ кончаться, быть при смерти.

Бываютъ случаи, что люди, повидимому, умершіе чрезъ нѣсколько часовъ опять возвращаются къ жизни и нерѣдко разсказываютъ цѣлый рядъ загробныхъ видѣній. Г. Кулишъ сшилъ на живую нитку нѣсколько подобныхъ разсказовъ, разумѣется, въ искажонномъ видѣ [5]). Этимъ онъ, судя по его намекамъ и цитатамъ, думалъ сдѣлаться южнорусскимъ Дантомъ!—Для обозначе-

---

[4]) Зап. о Ю. Р. Т. II. стр. 288. Обычай бросать на могилы различные предметы извѣстенъ и у литовцевъ (Golemb. ч. II. стр. 205.) и у многихъ славянскихъ народовъ.

[5]) З. о Ю. Р. Т. I. стр. 303—311.

нія подобнаго обмиранія употребляется въ южнорусскомъ языкѣ слово »*заумэраты*«, ему противоположно *завэртатыся*—возвращаться съ того свѣта. *Завэртаты* тоже иногда значитъ возвращать съ того свѣта. Подоляне вѣрять, что плачъ дѣтей при смерти родителей »завэртае« ихъ съ того свѣта для мученія. Поэтому, чтобы родители недолго мучились при *ко́нані* запрещается дѣтямъ сильно плакать въ самую минуту ихъ кончины. Тоже вѣрованіе перенесено и на животныхъ: »як ріжут корову, або курку, або яку иншу скотыну нэ треба жалуваты за нымы, бо будут довго мучытыся«.

»*Мэртво́ю свічкою*« въ южнорусскихъ сказкахъ о разбойникахъ называется свѣча, сдѣланная изъ жиру мертвецовъ. Разбойникъ, зажегши эту свѣчу, ночью обходитъ три раза домъ, въ который хочетъ войти, и всѣ, кто въ немъ есть, будутъ спать сномъ мертвецовъ.

Тропическое выраженіе *посадыты калыну*, значитъ похоронить кого-нибудь. Отсюда видно, что встарину на могилахъ садили калину. Въ народныхъ произведеніяхъ мы часто встрѣчаемъ упоминаніе объ этомъ обрядѣ. Такъ, въ одной пѣснѣ милый говоритъ своей милой:

«Высып, серцэ, высып, серцэ,
Та высоку могылу;
Посады на мені, мое серден'ко,
Та чэрвону калыну«.

или: »Та вырыйте над чумаком Мыкытою та высоку могылу,
Та посадіте над козаком Мыкытою та чэрвоную калыну« [6])

еще: »Насыпалы чумачен'ку высоку могылу,
Посадылы на могылі чэрвону калыну.
Прылэтіла зозулен'ка, тай сказала: ку-ку!
Подай, сыну, подай, орлэ, хот' правую руку.« [7])

Г. Терещенко говоритъ, что, калиновое дерево ставили только тогда, если козакъ умиралъ на чужой сторонѣ [8]). Но есть пѣсни и другія народныя произведенія, говорящія противное. Въ одной сказкѣ на могилѣ убитой сестры выростаетъ калина и открываетъ убійцу [9]). Впрочемъ у подолянъ сказка эта передается совер-

---

[6]) Максим. »Украин. п.« М, 1834 г. стр. 176.
[7]) ibid. см. стр. 180, также »Кобзар" Тараса Шэвченка.« Пэтропіл', 1860 р. л. 73.
[8]) Б. Р. нар. Ч. III, стр. 80.
[9]) З. о Юж. Р. Т. I. стр. 20—22.

шенно иначе: тамъ убиваетъ братъ брата и на могилѣ убитаго выростаетъ »бузина.« Этотъ сюжетъ у различныхъ славянъ варіируется различно. Въ польской пѣснѣ, изъ которой Мицкевичъ заимствовалъ предметъ для одной баллады жена убиваетъ мужа, и на могилѣ его выростаетъ лилія. У Ав. Ходзьки есть баллада подъ заглавіемъ «maliny», гдѣ одна сестра убиваетъ другую, и на могилѣ выростаетъ верба. [10]). Къ сказкѣ, извѣстной у подолянъ всего ближе подходитъ «страшный звѣрь» Е. Гребенки [11]), только въ томъ «народномъ преданіи» выростаетъ на могилѣ болиголовъ. Въ русской сказкѣ двѣ сестры убиваютъ третью «за погремушечку и побрякушечку», и на могилѣ убитой выростаетъ кустарникъ. Въ одной крайнской пѣснѣ на могилѣ милаго вырастаетъ роза, а на гробѣ милой лилія. [12]) Быть можетъ, калина у южноруссовъ имѣла такое же значеніе, какъ кипарисъ у римлянъ. Если допустить эту аналогію, надо допустить и то, что калина была посвящена «Пеку», южнорусскому

---

[10]) см. Nauka poezyi H. Cegielskiego. Wyd. 2. Poznan' 1851. str. 398—9.

[11]) см. Разсказы Пирятинца. Спб, 1837 г. стр. 43—59.

[12]) Денница 1843 г. Варш. № 2 стр. 130.

Плутону, подобно тому, какъ кипарисъ тоже былъ посвящонъ адскому богу. Южнорусскій «пек» имѣетъ сходство съ литовскимъ *poklus*'омъ, который назывался также «*Pokole, pikol, pragartis* отъ *pragaras*» пекло. [13])—Съ теченіемъ времени, повѣрье о калинѣ обобщилось въ повѣрье о деревѣ вообще: «як на могылі росте дерэво, души лекшэ».

Впрочемъ, можно и не считать это повѣрье метаморфозою предыдущаго, тѣмъ болѣе, что нѣкоторыя славянскія племена любили хоронить своихъ покойниковъ въ лѣсахъ. »Przedtém wszyscy się chowali na cmentarzu przy cerkwi, chociażby najszczuplejszy był, i zasadzono tam jarżowcowe drzewo, świerki i jarzębiny, które do ogromnej niekiedy przychodziły grubości. *Dawni słowianie groby swe w pośród lasów zakładać lubili;* zapewne ztąd pochodzi ten obyczaj« [14]). Это видно также изъ одного древнечешскаго стихотворенія *Забой, Славой, Людекъ*, находящагося въ краледворской рукописи, открытой Вячеславомъ Ганкою въ 1817 г. За неимѣніемъ теперь подъ рукой этого стихотворенія на чешскомъ языкѣ приведемъ отры-

---

[13]) Narbutt. Dzieje star. n. litewskiego. T. 1. s. 26—9.

[14]) Golembiowski: Lud polski, jego zwyczaje, zababony. Warsz. 1830 ч. 2. стр. 255.

вокъ изъ него, сюда относящійся, въ польскомъ переводѣ Л. Семеньскаго (Краковъ 1836):

»Bracie, czy widzisz ówdzie wierzch szary,
Tam z woli bogów my zwyciężali!
Tam dusz tysiące *lata* téj chwili,
Z drzewa na drżewo między konary,
Zwierz się ich boi, ród ptaszy,
Jedna się sowa tylko nie straszy.«

«Гріб» означаетъ вырытое мѣсто, куда кладутъ домовину. *«Могылою»* называется насыпь на гробѣ, небольшой курганъ. *«Ходыты на могылкы»* значитъ поминать покойниковъ. Обычай ходить на могилки остатокъ

»давно минувшихъ дней,
преданье старины глубокой,«

той старины, когда некромантическій культъ цвѣлъ еще во всей силѣ. Этотъ обрядъ въ разныхъ мѣстахъ подольской губерніи совершается въ разные дни. Въ Каменецъ-Подольскѣ онъ отправляется въ продолженіе 10 пятницъ, начиная съ пятницы на святой недѣлѣ. Замѣчательно, что и католики наравнѣ съ православными строго выполняютъ этотъ обрядъ. Какъ тѣ, такъ и другіе особенно чтутъ первую и десятую пятницы. Въ другихъ мѣстахъ этотъ обрядъ совершается по четвер-

гамъ, [15]) которые почитаются неблагопріятными днями для работы, и особенно для начатія какого-нибудь дѣла. Его отправляютъ также въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на *проводы*, т. е. въ субботу на св. недѣлѣ и въ ѳомину недѣлю, равнымъ обр. и во вторникъ антипасхи. [16]) Общее здѣсь то, что обрядъ этотъ отбывается послѣ пасхи, т. е. въ началѣ весны. Изъ этого можно заключить, что онъ сложился уже тогда, когда некромантическій культъ былъ на поворотѣ къ астральному. Этотъ обрядъ есть какъ-бы соединеніе этихъ двухъ культовъ. Не лишне провести параллель между нимъ и другими подобными обрядами; изъ нея мы также увидимъ, что обрядъ этотъ есть соединеніе некромантическаго культа съ астраль-

---

[15]) Замѣчательно, что и на Украйнѣ нѣкоторые четверги сохранили такой же характеръ. »Всѣ четверги отъ *чистаго,* говоритъ г. Максимовичъ, и до вознесенскаго на Украйнѣ почитаются неблагопріятными днями какъ для выѣзда въ великую дорогу, такъ и для начатія какого-нибудь значительнаго дѣла, а также въ эти четверки считается непозволительнымъ дѣломъ *золить* бѣлье.« Р. Б. 1856 г. № 3, 88 стр. въ см.

[16]) Въ Кіевѣ совершаютъ этотъ обрядъ въ Ѳомину недѣлю и понедѣльникъ на *Скавыці,* а во вторникъ на Байковой Горѣ. Въ г. Золотоношѣ собираются на могилки въ мироносный понедѣльникъ.

нымъ. Хожденіе на могилки аналогично съ подобными русскими обрядами, имѣющими разныя названія, напр. *«радуница, радунецъ, наской, навій день, родительскіе дни, радавница»* и др. Изъ этихъ названій можно вывести два значенія этого обряда. 1.) Изъ словъ *родительскіе дни, наской, навій*[17]) *день, радавница* (бѣлорусское названіе, соотвѣтствующее русскому—*родовница*, потому что въ бѣлорусскомъ нарѣчіи *о* переходитъ въ *а*) видно, что эти дни посвящены памяти умершихъ (культъ некромантическій). 2.) Если слова: радуница, радунецъ произошли не отъ искаженія слова— родовница (—радавница), то ихъ можно произвести отъ *ра*— радостный, веселый (сравни: *ра*-дуга, по южнор.—*вэсельщя и вэселка, рай* и др.) и *день*; слѣдов. *радунецъ*—радостный день, первый день весны, весенній праздникъ (культъ стихійный). И дѣйствительно, народное повѣрье соединяетъ два культа въ этомъ праздникѣ. Оно говоритъ, что въ этотъ день *«родители изъ могилъ* (культъ некромант.) *дохнутъ тепломъ»* (к. стихійный). [18]) Хожденіе на могилки имѣетъ

[17]) *навь* у Экзар 137 стр.—cadaver, сравни: готское naus; летск. nawe—смерть. V, nawiti—убиваетъ; лат. nex.—убійство.

[18]) См. Пѣсни Р. нар. изд. Сахаровымъ. Спб. 1838 г. ч. II. стр. XXII.

сходство также съ литовскими *хавтурами* (chautures). [19]) Нарбуттъ переводитъ литовское *chauturas* словами: *посмертные дары* и сравниваетъ этотъ обрядъ съ circumpotatio римлянъ и со *стыпою* (stypa) или *стравою* славянъ. На хавтуры пекутъ *sikies wellonia patixlos*. Это родъ блиновъ съ особымъ знакомъ, называемымъ pemixlos, и имѣющимъ видъ ключа. Хожденіе на могилки называется еще въ нѣкоторыхъ мѣстахъ *дядынкамы* и *громныцямы*.

Погрiб (exsequiae, pompa funebris; ekphora, ekkomidi,) значитъ погребеніе, погребальная процессія. Отсюда выраженія »*йты на погрiб*,« »*буты на погрэбi*« и др. *Похорон* собственно значитъ обѣдъ, данный въ честь умершаго послѣ его погребенія, страва, и въ этомъ смыслѣ онъ сходенъ съ хавтурами. Поэтому говорится *справляты похорон*. Впрочемъ, слово похоронъ употребляется и въ смыслѣ *погрiб* напр. *буты на похоронi*, *йты на похорон* и др., конечно потому, что тризна есть неотъемлемая принадлежность всякаго *погрiба*.

---

[19]) Москв. 1843 г. № 8 стр. 400 Narbbutt T. I. стр. 314—15.

Смерт' по представленію подолянина есть не отвлечонное понятіе, но вполнѣ живое существо. Воображеніе его представляетъ ему смерть въ образѣ тощей старухи. Она въ бѣлой одеждѣ и держитъ въ рукѣ косу. Народныя поговорки *білый як смерт', побілів як смерт'* заимствованы отъ бѣлой одежды смерти и употребляются для выраженія сильнаго испуга. Если смерть стоитъ у головы больнаго, то онъ выздоровѣетъ, если же у ногъ, умретъ. [20]) На этомъ вѣрованіи основана одна сказка. [21])

Упыром (опыром) называется мертвецъ, встающій по ночамъ изъ гроба и высасывающій у спящихъ кровь. Вотъ народныя представленія о немъ: »Опыра йще за жытя можна пізнаты: він буває дужэ чэрвоный на лыці, нібы оувес́ из крови. По смерті, як го поховают, він оу опівночы устає з могылы, тай ходыт по-під вікна. Якъ оу якім вікні нэ замэгочэ якіс́ вогон' він йде до того вікна, тай дує. Хто є оу хаті, зараз віт того духу чыхає. Як ніхто нэ скажэ *здоров!*— він зараз выпывае кров. Як же скажэ хто *здоров*— він зараз оутікає. Повідают, що опыр боіц'ця

[20]) см. З. о Южн. Р. Т. I. стр. 305.
[21]) см. ниже.

также заліза. Тым-то и стромляютъ у насъ оу вікно протірі (изломанныя иголки). Щобы опыр нэ ходыв, треба на могылі його поставыты осыковый хрест«. Для бо́льшей полноты мы должны привести здѣсь и другія повѣрья объ »осыкѣ«. Должно думать, что это дерево въ славянской миѳологіи было посвящено какому нибудь божеству. Но до насъ дошли повѣрья о немъ въ искажонномъ, передѣланномъ видѣ. Передѣлка эта совершена уже въ эпоху христіанства. Мы знаемъ, что языческіе миѳы часто подвергались подобной передѣлкѣ. »На осыні повішався Юда; тым-то лыст на ні заоушэ шэлыстыт, хочев' нэ ма вітру«. Очевидно, что на мѣстѣ этого повѣрья должно быть какое-то другое, погибшее для насъ. »Як від'ма відбэре молоко від коровы, треба тэсаты осыкові кілкы до порога. Від'ма зараз прыбіжыт и будэ просыты, щобы того нэ робыты, бо і болыт. — Під осыковою, або під залізною бороною можна выховаты пса-віщуна (ярчука).—Вішал'ныкові треба ўбыты осыковый кіл, щобы віччю нэ ўставав з могылы«.

Г. Новосельскій (Марцинковскій) говоритъ, что на Украйнѣ *упырами* называются дѣти съ большими головами и съ размягчонными костями.

Народъ думаетъ, что ихъ подбрасываетъ чортъ, на мѣсто другихъ, взятыхъ у родильницы. [22]) Мицкевичъ думаетъ, что вѣра, въ упыровъ принадлежитъ по происхожденію своему славянамъ и отъ нихъ перешла къ другимъ народамъ. У Грековъ для названія упыра употребляется слово, которое можно почитать переводомъ сербскаго *крвопильца*, латинское названіе его *strix* есть переводъ славянскаго *стрига*. Маліяновичъ издалъ изслѣдованіе объ упырахъ. Изъ него оказывается, что упыръ, по вѣрованію славянъ, раждается съ двойнымъ сердцемъ и двойною душою. [23])

II. Примѣты, предвѣщающія смерть.

»Як сова плачэ на хаті, або ў подвірі, [24]) як стіл, або сволок тріснэ, як ластівка ўлэтыт до хаты—будэ умэрлец.—Як кому прысныцця,

---

[22]) Lud Ukrain'ski Wilno. 1857 t. 2. str. 161.

[23]) Pisma Mickiewicza W. 1858. t. VI. str. 169—171.

[24]) У Кашубовъ есть тѣже повѣрья: »Gwesno chto wumrze, bó te noce psé tak straszno veté, iasz tak przecigałe; abo bó sowa decht całą noc vrzeszcza (изв. Имп. Ак. наукъ по отд. Р. яз. и сл. Т. I. Памят. Л. VII. стр. 110.) Замѣтимъ мимоходомъ, что у Кашебовъ есть много повѣрій, бытующихъ и у подолянъ.

що нові чоботы облэтят, оу того хто-небуд' з блыських родычів оумре.—Як псы въют, спустывшэ морду оу землю, будэ помір. [24]) Хто почуе голосъ свій, той скоро оумре. [25]) Як образ оупадэ сам від себэ зо стіны и розібъэцця, хтос скоро оумре оу тім домі. —На першый святый вечір, як ззідят по лосці куті, най поспэрают лошкы на мыску: чія лошка пэрэвернэц'ця, той скоро оумре.—Хто мае скоро оумерты, той на святый вечір нэ будэ баяыты свої тіні.—Чія свічка при шлюбі згаснэ, той скоро оумре.—Хто з молодят на рушныку оглянэц'ця, той дывыц'ця за другым (т. е. овдовѣетъ).—Як піп йде сповідаты слабого и оуступыт до хаты правою ногою, слабый оумре, як лівою—будэ жыты. Я нэсут оумэрця ховаты и оу сэло хто-небуд' въіжджае, будэ скоро другый оумэрлец. Як дужэ хорый хочэ подывытыся на обістя—знак же скоро оумре. Як то хозяін дома, нэ можна уволыты його волю, бо за ным як він подывыц'ця, оусіо так, як з дымом підэ.—Де-якым людям на кілка ден' перед смертю оумэкае мову, ато за тее, що воны оу гніву нэ говорылы з блыс-

---

[25]) Н. В. Гоголь воспользовался этимъ повѣрьемъ въ своихъ »старосвѣтскихъ помѣщнкахъ.«

кымы родычамы. Кіл'ко днів воны нэ говорылы з родычамы, тіл'ко нэ будут говорыты пэрэд смертю.«

Вотъ народная догматика примѣтъ, предвѣщающихъ смерть. Мы не имѣемъ никакихъ данныхъ къ объясненію происхожденія такихъ понятій въ народѣ, ихъ комбинаціи, ассоціаціи и того, какъ онѣ получили догматическое значеніе для народа. Мы можемъ видѣть только, что народъ не оставался равнодушнымъ зрителемъ явленій; онъ старался уяснить ихъ себѣ, какъ могъ. Не его вина, что онъ неудачно объяснялъ ихъ себѣ; онъ иначе не могъ объяснить ихъ. Къ догматикѣ примѣтъ мы должны прибавить еще одно вѣрованіе о счастливой смерти. »Той дужэ щаслывый оу Бога, хто оумре на вэлыкден'.« Это древнѣйшее повѣрье. Извѣстно, что славяне-язычники представляли царство блаженныхъ на островѣ. Впрочемъ и у Грековъ было это представленіе, и у нихъ были nisoj macaron. [26]) Этимъ представленіемъ объясняется почему самою счаст-

[26]) Въ одной пьесѣ адскій судія, между прочимъ, обращается съ слѣдующими словами къ праведнымъ: ymejs de oj agathoj apite es to Helysion pedion kaj tas makaron nisoys katojkojte.

ливою смертію почиталась смерть на »вэлыкден'« т. е. въ началѣ весны: во время половодья самый легкій путь въ царство блаженныхъ. Впрочемъ это архаичное, языческое объясненіе замѣнено теперь христіанскимъ; теперь смерть на свѣтлое воскресеніе считаютъ счастливою потому, что тогда бываютъ отверзты царскія врата, а слѣд. и врата царствія небеснаго.

III. Обряды при »кóнані.«

Представивъ народную догматику примѣтъ, предвѣщающихъ смерть, перейдемъ къ разсмотрѣнію обрядовъ и повѣрій, сопровождающихъ *кóнаня.*

»Піт тым, хто конає, нэ повынно буты подушкы, а найбар і с курячого піръя: довго будэ бідняка мучытыся.« Замѣчательно, что и въ домовину кладутъ подушечки либо изъ »сухого ćвяченого зіля,« либо изъ »струшків,« но не изъ перьевъ. »Щобы лекшэ було конаты, даец'цяў рукы тому, хто конає, зaćвічэна *грімныця«*. *Громницею* называется страстная или богоявленская свѣча, потому-что ее зажигаютъ, когда гремитъ, чтóбы предохранить домъ отъ громоваго удара.

Впрочемъ, по догматикѣ народныхъ повѣрій невсякая страстная и богоявленская свѣча есть *громница.* Страстная свѣча, чтобы сдѣлаться громницею должна горѣть, покрайней мѣрѣ, при трехъ страстяхъ; а *»трійця* (свѣча богоявл,) повынна буты на 7 водохрэщах, бо воду ćвятят тры разы оу рік; на голодну кутю (богоявленіе), на рахман'ćкый вэлыкден' (преполовеніе) и на маковея (1 Августа).«

Въ Малоросіи эта свѣча употребляется »при благословеніи молодыхъ« [27]). Также когда есть въ домѣ безнадежный больной, то зажигаютъ ее предъ иконою [28]).

Если кто долго *конаетъ* и при этомъ сильно мучится, звонятъ »по души«, »дают на повіннэ«. Впрочемъ, въ большей части случаевъ, дѣлаютъ это уже по исходѣ души отъ тѣла. Обыкновенно за »повіннэ« платятъ нѣсколько копѣекъ.

---

27) Терещ. Б. Р. нар. Ч. VI. стр. 100.
28) ibid.

IV. *Обряды, слѣдующіе послѣ смерти.*

Мертвое тѣло сейчасъ обмываютъ; при этомъ сбрасываютъ рубашку не такъ, какъ обыкновенно это дѣлается, а »дэрут від пазухы аж до долыны.« Кстати замѣтимъ здѣсь, что если дитя испугается чего нибудь, то ему тоже подоб. обр. дерутъ рубашку.

Если умерла дѣвица, ее наряжаютъ какъ подъ вѣнецъ и къ погребальной церемоніи присоединяются нѣкоторые свадебные обряды. Этотъ обычай бытуетъ и въ харьк. губ. и вообще на Украйнѣ. [29]) Так. же обр. наряжаютъ и умершаго парубка. Женщину особенно старуху, наряжаютъ непремѣнно въ «*завытя*» т. е. въ бѣлую свитку и бѣлую *намітку*. Дитя хоронятъ въ рубашкѣ (сорочэц'ці), но она непремѣнно должна быть опоясана, Во 2 т. Записокъ о Юж. Руси [30]) выставлена слѣд. причина этого: «нэ пітпэрезаного нэ треба ховаты, бо на тім ćвіті хтоć даćт' йому (дытяті) яблучко чэрвонэ грац'ня, а воно мае у

[29]) З. о Ю. Р. Т. I. стр. 289—90. см. также похороны »Марусі« Квиткы. Изданіе Кулиша. Т. I стр. 109—161.
[30]) стр, 288—9.

пазуху сховаты: а яблучко до долу, а воно упъят' достае, та оусе оу пазушку! а воно упъят' до долу; та так біднев'ке й будэ мучыц'ця з яблучком. А як пітпэрезане пояском, то схова, а воно й нэ выпадэ с пазушкы—щей ніхтів нэ зрізуют' малому, а то на якусь гору нэ здэрец'ця,—чи на сьвяту, чи що: бачыш, нічым бы то будэ ухопыц'ця.» Но мнѣ передали это нѣсколько иначе: »Як умре дытына, баба (повивальная бабка) і убэрае и пітпэрізуе. Маты дытыны просыт бабу, щобы вона нэ багато гуȣів въязала, бо кіл'ко завъяжэ гуȣків, тіл'ко вона ще родыт дітэй. Як оу дытыны оуже оптыналы пазюрі, то іх кладут і за пазуху, бо на тім сьвіті спытают; »а де твоі ніхті?« Хто кыдав іх на землю, и нэ ховав оу пазуху, того пішлют збэраты іх. Повідают, що на тамтім світі тре будэ драпатыся на шклянну гору; тым-то й потрібні вэлыкі погністі.«

Подобное повѣрье о ногтяхъ извѣстно и въ Кіев. губ. [31]) Но тамъ еще говорятъ, что и потому нельзя бросать на землю обрѣзываемыхъ ногтей,

---

[31]) Lud Ukr. t. 2. str. 150.

что чортъ собираетъ ихъ, и дѣлаетъ себѣ изъ нихъ *шапку-невидимку*. Если онъ покроетъ себя этою шапкою, Богъ не можетъ поразить его громомъ. Литовцы бросали обрѣзываемые ногти тоже не на землю, а на огонь, въ той надеждѣ, что они, превратившись въ дымъ и поднявшись на воздухъ, могутъ быть найдены умершими въ воздушмомъ пространствѣ. [32]) Такія, или подобныя повѣрья о ногтяхъ извѣстны и у другихъ народовъ. Онѣ находятся и въ талмудѣ. Въ скандинавской Эддѣ корабль, на которомъ плывутъ сыновья Муссnела для истребленія свѣта и боговъ, построенъ изъ ногтей умершихъ людей.

---

[32]) Narbut: t. 1. str. 355. Здѣсь кстати приведемъ одну литовскую клехду, имѣющую аналогію съ южнорусскимъ вѣрованіемъ о взлѣзаніи умершихъ на стеклянную гору: »Есть очень высокая и неприступная гора, извѣстная подъ именемъ Anafielas. На нее должны взбираться тѣни умершихъ. Чтобы удобнѣе взлѣсть на нее, нужны длинные ногти. Въ могилу бросаютъ когти звѣрей, оружія, лошадей, слугъ и т. п., чтобы умершій, при помощи ихъ, могъ облегчить себѣ взлѣзаніе на гору. Чѣмъ человѣкъ былъ богаче, тѣмъ труднѣе ему взойти на гору: имѣнія обременяютъ его. Бѣдный человѣкъ легокъ, какъ перо, и можетъ взойти на гору, если при жизни не прогнѣвалъ боговъ. Живущій подъ горою *смокъ* (—змѣй горыничъ) Wizunas отнимаетъ у грѣшнаго богача имѣніе, и злые вѣтры уносятъ его, наравнѣ съ грѣшнымъ бѣднякомъ. На вершинѣ горы живетъ божественное существо, которое судитъ умершихъ.« Narb. t 1 стр. 384—5.

Не съ цѣлью-ли облегчить взлѣзаніе на гору бросали въ гробъ въ древности, такъ называемыя, *древолазная плетенія?* Впрочемъ, можетъ быть обрядъ этотъ имѣлъ и другое значеніе, не имѣющее аналогіи съ повѣріемъ о ногтяхъ. Быть-можетъ, и самое повѣріе о ногтяхъ имѣетъ другой смыслъ. [33]) Для большей полноты, мы должны привести здѣсь еще одно повѣрье о ногтяхъ: »як чоловік був йще у раю, на оусім тілі у нього була така покрова, з якоі тэпер пагністі. Як він согрішыв, тая покрова спала; зісталася тіл'ки, як знак того щó було, и як надія на то, щó йще будэ, на кін'цях пал'ців.«

Ближайшіе родственники умершаго закрываютъ ему глаза и уста, конечно для того, чтобы трупъ не имѣлъ безобразнаго вида. Мы знаемъ, что и у римлянъ этотъ обрядъ строго соблюдался

---

[33]) Литовцы-язычники тоже сожигали съ трупами своихъ покойниковъ когти различныхъ животныхъ. Стрыйковскій, описывая погребеніе Кейстута, говоритъ, что, вмѣстѣ съ его трупомъ, были сожжены »paznogcie rysie i niedzwiedzie (стр. 467). Евреи тоже прячутъ обрѣзываемые у дѣтей ногти. Когда я спросилъ у одного еврея для чего это дѣлаютъ, онъ отвѣчалъ »на счастье«. См. также »Сборникъ« К. Тел. стр. 133—4.

съ тою же цѣлію [34]). Но народъ объясняетъ себѣ цѣль этого обряда по своему: »як умэрціові віткрыті очи, то він за кымос дывыц'ця,« т. е., еще кто-нибудь изъ тогоже дома скоро оумретъ.

Иногда тесьмою перевязываютъ умершему руки и ноги. »Хто служыт, тому добрэ маты пры собі пэревъязку з умэрлого; щобы нэ зробыв він, той оу кого він служыт, будэ мовчаты як оумэрлый«.

Тѣло обыкновенно кладутъ ва «ослоні» или на столѣ среди комнаты. Этотъ обычай бытуетъ и на Украйнѣ. «Покойника, говоритъ г. Максимовичъ [35]) на Украйнѣ кладутъ и отпѣваютъ не на столѣ, а на лавкѣ. Къ тому-то и въ пѣснѣ жена, въ сердцахъ на мужа своего поетъ ему:

Хіба тоді затужу,
Як на лаві положу,
Хіба тоді заплачу,
Як на лаві побачу!»

Если въ комнатѣ есть зеркало, его покрываютъ или оборачиваютъ стекломъ къ стѣнѣ.

---

[34]) Virg. Aen. IX, 487; Ovid. Her. I. 102 и 113; 11. 102; X, 120; Svet. Ner. 49.

[35]) Р. Б. 1856 г. кн. 1. стр. 78 въ стѣсл.

Этимъ выражается трауръ. Возлѣ трупа сидитъ старуха, и снимаетъ со свѣчъ, горящихъ при немъ, а лѣтомъ, кромѣ того, и отгоняетъ мухъ. Если умершій былъ членомъ братства, при тѣлѣ его горитъ братская свѣча. Впрочемъ, это соблюдается не во всѣхъ братствахъ подольской губ., а только въ тѣхъ, гдѣ каждый членъ братства имѣетъ свою свѣчу, гдѣ же онѣ общи, тамъ этого не бываетъ.

Родственники и ближайшіе сосѣди умершаго, особенно изъ послѣднихъ жившіе въ ладахъ, въ дружбѣ съ нимъ, проводятъ возлѣ него ночи во бдѣніи. При этомъ мальчики и парубки *«бъют убка»*. Эта игра отправляется только на похоронахъ и состоитъ въ томъ, что кто-нибудь изъ играющихъ накрывается кожухомъ такъ, чтобы ничего не могъ видѣть. Кто нибудь изъ играющихъ ударяетъ жгутомъ покрытаго (бъе лубка) и тотъ долженъ угадать кто его ударилъ. Если угадаетъ, на его мѣсто идетъ ударившій его, если же нѣтъ, его бъетъ кто-нибудь другой и т. д. Играющіе представляютъ собою нѣчто въ родѣ gladiatores bustuarios [36]). Другіе играютъ въ *пан-*

---

[36]) Hor. Sat. 11, 3. стр. 85. Serv. in Virg. Aen. X, 519.

филя въ *маланку* [37]) или иначе какъ нибудь проводятъ время. Родственники разсказываютъ о послѣднихъ минутахъ жизни умершаго, сосѣди вспоминаютъ замѣчательные случаи изъ его жизни, при этомъ слѣдуютъ воспоминанія о другихъ умершихъ, гдѣ дѣйствительность всегда перемѣшана съ фантазіями старухъ. Часто заходитъ рѣчь о »туреч'чинѣ, козач'чинѣ и гайдамач'чинѣ,« однимъ словомъ идутъ разсказы «від світа потопа». Все это начинается и сопровождается чарою зелена вина.

Комната, въ которой находится мертвое тѣло, не метется во все время его пребыванія въ

[37]) Игра въ *Маланку* также употребляется только на похоронахъ. Хотя она позднѣйшей формаціи и не вездѣ распространена (мнѣ случалось видѣть ее только въ Каменцѣ), однако въ ней представлена дѣйствительность, живьемъ взятая съ натуры.—Берутъ столько картъ, сколько есть игроковъ, и даютъ имъ условныя названія: такъ *дама* какая-нибудь представляетъ собою Маланку, другія карты представляютъ разные полки; *тузъ* представляетъ палача, *король* начальника. Карты эти перемѣшиваютъ и разбираютъ играющіе. Самая незавидная роль Маланки. Попавшій эту карту идетъ къ начальнику съ жалобой, что ее (Маланку) обидѣлъ № полкъ. Начальникъ говоритъ, чтобы она указала виновнаго. Но какъ полковъ много, то она почти никогда не попадетъ на виновнаго, за что ее бьютъ. Маланку обижаютъ и вдобавокъ бьютъ!

ней; или если и метутъ ее, то соръ не выносятъ, и метутъ не такъ, какъ обыкновенно это дѣлается, а отъ порога къ столу, такъ, что соръ остается подъ мертвымъ тѣломъ.

Присутсвіе мертвеца по народной догматикѣ производитъ извѣстную перемѣну не только въ томъ домѣ, гдѣ онъ есть, но и въ цѣломъ околоткѣ. Такъ въ домахъ сосѣднихъ съ домомъ, въ которомъ есть мертвое тѣло, »нэ можна пыты на ранокъ воды, як вона пэрэночуе у хаті, бо душа прыходыт пыты; треба тую воду выл'яты.—Як е оумэрлец нэ можна рушаты насіня, бо нэ зійдэ; нэ можна також пітсыпаты квочки (насѣдки), бо позаоумэрают курята. Як квочка сыдыт, нэможна ïï говорыты за оумэрців.«

V. *Погребальные обряды.*

Подоляне погребаютъ умершихъ во всякое время дня. Поселяне по заходѣ солнца не хоронятъ умершихъ; но у горожанъ этотъ обычай бытуетъ. Изъ вопросовъ черноризца Кирила (онъ былъ дьякомъ въ 1134 г.) Мы знаемъ, что и въ то время запрещалось хоронить мертвеца по заходѣ солнца. Напротивъ того славяне язычники совершали погребеніе ночью, какъ это можно

видѣть изъ словъ византійскаго лѣтописца, который такъ говоритъ о погребеніи воиновъ святославовыхъ: »ночью, при появленіи полной луны, непріятели (руссы) вышли изъ города на поле сраженія, собрали тѣла своихъ убитыхъ и сожгли ихъ на многихъ кострахъ, расположенныхъ у стѣны; въ тоже время они умертвили, по своему обычаю, множество плѣнныхъ мужчинъ и женщинъ, утопили въ Дунаѣ грудныхъ младенцевъ и пѣтуховъ [38]).«

При выносѣ тѣла изъ дому ударяютъ три раза объ порогъ домовиною. По народному толкованію, это значитъ, что покойникъ *»прощаец'ця з домом.«* Впрочемъ это дѣлается, кажется, только при погребеніи хозяина дома и то не вездѣ. Голембіовскій говоритъ, что этотъ обрядъ есть у подлясскихъ малороссовъ. Въ приднѣстровскихъ деревняхъ при выносѣ мужа изъ дому жена бьетъ новый горщокъ и повсему двору посыпаетъ овсомъ. (Gołęb. ч. 2. 354.) Безъ сомнѣнія этимъ означается упадокъ хозяйства по смерти мужа. Можно думать, что съ тою же цѣлью при

[38]) Leo Diac. 1. IX.

похоронахъ польскихъ королей ломали berło, koronę, jabłko, miecz, dziryt. Это—остатки древнеславянской тризны.

По выносѣ тѣла, дверь сейчасъ затворяютъ, »шобы смерт' нэ вэрнулаć.« На окошкѣ, или на столѣ кладутъ »склянку, або кухля з водою, цілушку с хліба и запалэну ćвічку.« Значеніе этого обряда точно неизвѣстно. Но народная мистика прибавляетъ, что это *для души* »бо душа прыходыт істы й пыты.« Какое же значеніе имѣетъ зажжонная свѣча? Не служитъ-ли она символомъ души? Мы знаемъ, что въ южнорусскихъ сказкахъ душа часто представляется въ видѣ горящей свѣчи [39]). Должно думать, что обрядъ этотъ есть остатокъ стихійнаго культа славянъ. По истеченіи извѣстнаго времени хлѣбъ и воду или выносятъ на рѣку, или бросаютъ въ печь. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, ко всему этому прибавляютъ еще немного жита, *»щобы було жытя,«* какъ объясняетъ народъ.

Тѣло на кладбище несутъ на »марах,« или везутъ, по большей части, на волахъ. Домовину

---

[39]) см. II. Отдѣлъ.

покрываетъ *мірою полотна* (немного больше аршина) или *»рушныком«*; сверху кладутъ хлѣбъ. Послѣ погребенія, это достается священнику. У подлясскихъ русиновъ тоже есть подобный обычай, съ тѣмъ отличіемъ, что они, по Голембіовскому, кладутъ или кусокъ полотна, или хлѣбъ [40]). Если хоронятъ дѣвушку или парубка, несущимъ гробъ, какъ на свадьбѣ, прикалываютъ къ боку букеты, къ хоругвямъ привязываютъ *хусткы* и *рушныкы*, которые послѣ погребѣнія, достаются тоже священнику.

»Як несутъ оумэрця,—гріх дывытыся чэрэз вікно; хто подывыц'ця и воз'мец'ця рукою денебуд' за своє тіло, оу тім місці будэ *мэртвá кістка«*.

Въ »гріб« бросаютъ мелкую монету, »щобы місце купыты.« Иногда бросаютъ также нѣкоторыя вещи, особенно любимыя покойникомъ. Впрочемъ обычай этотъ часъ отъ часу становится рѣже. При раскопкѣ старыхъ могилъ нерѣдко находятъ бутылки съ водкою, рожки или табакерки съ нюхательнымъ табакомъ и др. Это я

---

40) Gołomb. ч. 2, стр. 256.

слыхалъ отъ нѣсколькихъ гробокопателей (грабарныків). Это напоминаетъ слѣдующую могильную надпись, найденную въ новогрудскомъ лѣсу:

»Тутъ Иванъ Сѣмашко лежитъ,
У ногахъ чорная собака тужитъ,
У головахъ фляшка горилки стоитъ,
У рукахъ острый мечъ держитъ.
Го! го! го!
Щожъ кому до того? [41])«

Послѣ погребенія даютъ обѣдъ въ честь умершаго, въ которомъ главную роль играетъ *коливо*, т. е. вареная пшеница съ медомъ. На обѣдѣ стараются давать такія кушанья, которыя преимущественно любилъ умершій, »бо то гудують іого душу.« Обѣдъ этотъ можно сравнить съ римскимъ silicernium.

Не лишнимъ считаемъ привести здѣсь для сравненія нѣсколько похоронныхъ особенностей, извѣстныхъ въ другихъ мѣстахъ. Методъ этнографіи, какъ отрасли нравственнаго естествознанія, долженъ быть попреимуществу сравнительный.—Въ Кіевѣ даютъ обѣдъ, подобный тому, какой подоляне даютъ въ честь умершаго послѣ

[41]) ibid. str. 252.

его погребенія, ежедневно, впродолженіе всего времени, пока трупъ лежитъ дома. Хустки употребляются при погребеніи не только дѣвицъ и парубковъ, но вообще при всякомъ погребеніи. Впрочемъ онѣ достаются, послѣ погребенія, тѣмъ которые несутъ гробъ, а священнику дается только одна. Въ полтавской губерніи, при погребеніи дѣвицъ, платки даются воспріемникамъ. У кавказскихъ горцевъ похоронныя угощенія тоже продолжаются три дня [42].

VI. Обряды, совершаемые въ честь покойниковъ, нѣкоторыя повѣрья и представленія о загробной жизни.

Послѣднимъ погребальнымъ обрядомъ еще не оканчивается все, относящееся къ некромантизму подолянъ. Есть еще обряды, которые должны соблюдаться въ честь умершаго въ различное время и различнымъ образомъ. Нечего и упоминать здѣсь о траурѣ (жалóбі) по умершихъ: онъ извѣстенъ у всѣхъ народовъ. У подолянъ трауръ продолжается годъ и шесть недѣль. Къ нему присоединяется запрещеніе из-

[42]) Москв. 1853 NN 23—4 статья г. Швецова стр. 21.

вѣстнаго рода увеселеній, напр. запрещеніе пѣнія, танцевъ [43]), игръ и т. п. Нечего также упоминать о *третинахъ*, *девятинахъ*, *сорочинахъ* и о *сорокоустѣ*. Въ календарѣ подолянъ есть извѣстные дни для поминовенія умершихъ; но объ нихъ будетъ рѣчь въ статьѣ о календарѣ. Здѣсь замѣтимъ только, что при *поминкахъ* употребляются преимущественно жаренныя курицы; можетъ быть, это остатокъ того бросанія пѣтуховъ въ Дунай, о которомъ говорится при погребеніи святославовыхъ воиновъ.—Объ обрядѣ хожденія на могилки мы уже говорили. Кромѣ всего этого, есть еще обряды, сюда относящіеся.

Если у матери умерло одно или нѣсколько дѣтей, она не кушаетъ вишень и черешень до *»лэпухатого Йвана«* т. е. до 24 Іюня. Въ этотъ день мать раздаетъ дѣтямъ сосѣдей вишни и черешни, а послѣ сама начинаетъ кушать. »Як мама іст' чэрешні й вышні до ѝвятого Яна Купайлы, дітям і на тім ѝвиті нэ дают вышен'

---

[43]) Вотъ какъ народъ объясняетъ себѣ почему не льзя танцовать: »оу кого оумер, хто з блыс'кых родычів' тому нэ можна тан'цюваты, бо оумершым тяжко лэжаты оу зэмлі, як прыдопчуваты.«

й чэрэшен', и воны бідні мучац'ця. Як маты роздае на Йван'ця вышні й чэрэшні, вона дае іх своім дітям.« Не могу навѣрно сказать, соблюдается-ли этотъ обрядъ и мужчинами. Такимъ же точно обр. и съ тою же цѣлію; матери, у которыхъ умерли дѣти, не ѣдятъ яблокъ и грушъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и дынь [44]) до »Спаса« т. е. до 6 Августа. Этотъ обрядъ выполняютъ и мужчины. Въ день Спаса раздаютъ яблоки и груши дѣтямъ, а потомъ сами кушаютъ. Оба эти обряда (первый, особенно въ Каменцѣ, котораго патрономъ почитается Іоаннъ Креститель) соблюдаются очень строго. До опредѣленныхъ сроковъ, по народному вѣрованію, могутъ употреблять, и дѣйствительно употребляютъ въ пищу вишни, черешни, яблоки, груши и дыни тѣ, у кого не умирали дѣти.

Непремѣнною обязанностію родственниковъ умершихъ почитается также годичное поминовеніе умершихъ или *парастас* (съ греческаго: предстательство, ходатайство). Каждый зажиточный хозяинъ свято выполняетъ эту обязанность въ честь умершихъ. Парастасы отправляются пре-

---

[44]) Въ Кіевѣ начинаютъ продавать дыни тоже только со Спасова дня.

имущественно осенью. Къ нимъ дѣлаютъ значительныя приготовленія. Въ назначенный день отправляютъ служеніе за упокой, и приглашаютъ домой нищихъ. Длинный столъ уставляютъ колачами, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ книшами съ зажженными свѣчами и курицами. На срединѣ его стоитъ коливо или кутя. Священникъ отпѣваетъ панихиду. При пѣніи »вѣчная память« домашніе подносятъ вверхъ или кутю или колачъ. Послѣ начинается угощеніе или *»частованя«*. Г. Новосельскій предполагаетъ, что послѣднее слово происходитъ отъ санскритскаго *czetas*—духъ.

Каждый изъ присутствующихъ, въ честь умершихъ, долженъ отвѣдать по три ложки кути. Кутя или коливо обыкновенно приготовляется изъ вареной пшеницы, или ячменя, или изъ другихъ зернъ, меду и маку (иногда). Въ символикѣ и гіератической письменности зерно, и въ особенности ячмень, служитъ символомъ возрожденія. Медъ въ древнихъ мистеріяхъ служилъ символомъ спасенія: in mythriacis умывали имъ руки, приписывая ему очистительную силу. Языкъ очищали отъ грѣха тоже медомъ. Орфическое ученіе меду, на равнѣ съ макомъ, приписывало

силу усыпленія. Медъ употребляется для того, чтобы довести людей до прозрѣнія въ будущее; на этомъ, безъ сомнѣнія, основаніи дельфійская жрица называлась пчелою. Meli—медъ, melos—пѣсня, melo—говорю, пою происходятъ отъ одного корня: поэтъ и пророкъ (vates) въ древности были однозначащими словами. Въ гомерическомъ гимнѣ къ Гермесу (стихъ 550 et seq.) сказано: »когда три Меры отвѣдаютъ свѣжаго меду, находитъ на нихъ вдохновеніе, и онѣ спрашивающому открываютъ будущность.« Медъ приносили также въ жертву подземнымъ божествамъ: Гадесу, Гекатѣ, Манамъ. Онъ былъ посвящонъ также Афродитѣ и Персефонѣ, потому, что *libido* неразлучно съ *libitina:* понятіе »рожденіе« заключаетъ въ себѣ представеніе о »смерти.« Медъ служитъ также символомъ воскресенія: Главкъ воскресъ, отвѣдавши меду; при возвращеніи золотаго вѣка, по словамъ Виргилія,

Durae quercus sudabunt roscida mella; (Ecl. IV. v. 30) и у евреевъ символомъ возрожденія ихъ, предвѣстіемъ вступленія ихъ въ новую жизнь была земля, кипящая медомъ и молокомъ.

Изъ сказаннаго нами видно значеніе кути: это—жертва тѣнямъ предковъ. Г. Новосельскій

думаетъ, что слово кутя происходитъ отъ санскритскаго *kut*—затемнять, потому-что кутя назначается для душъ умершихъ, находящихся въ подземномъ царствѣ. Онѣ покровительствовали свои роды, и потому почитаемы были за домашнихъ боговъ (theoj katojkidioj.) [45]) Это уваженіе къ умершимъ предкамъ бываетъ у всѣхъ народовъ на извѣстной ступени ихъ развитія.

Послѣ кути на парастасѣ слѣдуетъ попойка, а затѣмъ различныя кушанья. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ непремѣннымъ кушаньемъ на парастасѣ считается *душэнына*. Парастасъ обыкновенно оканчивается тѣмъ, что присутствовавшимъ на немъ даютъ по колачу или книшу.

Парастасъ имѣетъ сходотво съ сербскою *дачею*, съ литовскими *хавтурами* [46]) и съ польскими *dziadami*. [46]) Впрочемъ и на Украйнѣ иногда употребляется слово »*діды*« для обозначенія поминанія умершихъ. Слѣды этого названія можно

---

[45]) Lud Ukr. t. 1. str. 142.

[46]) Желающіе познакомиться съ этими обрядами могутъ найти свѣдѣнія о нихъ: у Нарбутта т. 1. стр. 314—15 377—382; у г. Новосельскаго: Lud Ukr. т. 1. стр. 134—145; и у г. Зенькевича »o uroczystos'ciach i zwyczajach ludu Pin'skiego i t. d, Warszawa 1853.

видѣть и въ словѣ *»дідух«*. Такъ называется солома, которую постилаютъ въ навечеріе рождества Хр. Основаніе этого сближенія можно видѣть въ томъ, что тогда, какъ и въ навечеріе Богоявленія, употребляется кутя. Можно думать, что тогда у славянъ были поминанія умершихъ.

Теперь изложимъ, нѣкоторыя повѣрья и представленія о загробной жизни, обломки давней старины. Изъ нихъ мы опять увидимъ, что представленія эти слагались изъ народнаго быта. Печь представлялась подобіемъ »пекла« Вотъ повѣрье, сюда относящееся: »як выбэрут хліб с пэча, треба оу піч оукынуты поліно, або хоц' трісочку, щобы було почім с пекла вылізты.« Замѣчательно, что заботливость о томъ, чтобы какъ-нибудь увернуться отъ *пекла* выразилась въ повѣрьи даже о такомъ предметѣ, который, повидимому, не имѣетъ ни какого отношенія къ *пеклу*: »як позычыш оу кого голкы, треба віддаты і зныткою, щобы було чым вытягнуты с пекла.« Впрочемъ, можетъ-быть иголка имѣетъ какое-нибудь отношеніе къ пеклу. Въ ворожбѣ и заговорахъ на *непочатой водѣ* она употребляется съ углемъ и »пэчыною« (глиною изъ печи), символами пекла. Въ сказкѣ объ Иванѣ разбой-

никѣ, извѣстномъ въ Галиціи подъ именемъ Мадея, орудіемъ мученія его въ аду становится кровать, набитая иголками и булавками. [47]) Домашній огонь служитъ также символомъ адскаго огня· »хто ходыт позычаты вогню по чужих хатах, того заставлят на тімы світі істы вогон'; и тіл'кы повынэн з'зісты його, кіл'кы пожычыв.« Здѣсь кстати замѣтимъ, что народная фантазія проводитъ соотвѣтствіе между проступкомъ и адскимъ наказаніемъ за него. Въ 1-мъ томѣ »З. о Юж. Руси.« [48]) представленъ рядъ подобныхъ созданій народной фантазіи, бытующихъ и у подолянъ. Вотъ еще нѣкоторыя изъ нихъ: »хто плюнэ на кого, будэ на тамтім світі злызуваты; хто оубъе гадюку палкою, або чым другым, будэ на тім світі істы і: гадюку треба быты хлібомъ (?); хто пожычыт що оу кого и нэ віддаст', будэ на тім світі віддаваты, алэ ніхто нэ воз'мэ.«

Люди, убитые громомъ, считаются счастливыми. Души людей, съѣденныхъ звѣрями, считаются погибшими. Бываютъ несчастные случаи, что свиньи съѣдаютъ дѣтей. Души этихъ дѣтей

[47]) см. ниже эту сказку. [48]) см. 306—8.

считаются уничтоженными; думають, что свиньи имѣютъ способность съѣдать души. Свиней, виновныхъ въ этомъ преступленіи, живьемъ закапываютъ въ землю, а о дѣтяхъ, съѣденныхъ ими не молятся. [48]) Земля, по вѣрованію подолянъ, не принимаетъ въ себя костей дитяти, проклятаго матерью.

Въ одной изъ *щедрівок*, извѣстныхъ у подолянъ, исчисляется за какіе проступки люди пойдутъ во адъ. Къ сожаленію, этой щедривки теперь нѣтъ у меня подъ рукой. Помню только, что, между прочими, будутъ въ пеклѣ тѣ, которыя въ » *пъятныцю хуста голят.*« Мы ниже

---

[48]) Здѣсь кстати замѣтимъ, что у восточныхъ народовъ *свинья* была символомъ *ночи* и *разрушенія;* солнце, удаляющееся послѣ лѣтняго своего поворота на зиму принималось за побѣжденное *свиноголовымъ Тифономъ* (г. Аѳанасьева: зооморф. б. у славянъ, ст. 3 стр. II). Свинья обыкновенно приносилась въ жертву темнымъ богамъ. У евреевъ свинья причислена къ нечистымъ животнымъ. У подолянъ есть легенда, въ которой свинья происходитъ изъ еврейки. У славянъ свинья символизировала мрачное божество и его аттрибуты ночь и разрушеніе. Это можно видѣть, между прочимъ, изъ слѣдующихъ загадокъ: »*сыві кабаны* усе поле заляглы.« Подъ »кабанами« разумѣется здѣсь туманъ. »Прыйшла тэмнота під наші ворота, пытаец'ця лэпэты: чи дома *понура?«* Свинья здѣсь называется *понурою,* мрачною. Слѣды того, что свинья служила символомъ разрушенія сохранились въ повѣрьи, по которому души дѣтей, съѣденныхъ свиньями, почитаются уничтоженными.

увидимъ формацію этого воззрѣнія.—Народная фантазія варитъ души умершихъ въ котлахъ, наполненныхъ смолою; неизвѣстно только какой пиръ и для кого она думаетъ состряпать изъ этого. Изъ сказокъ, помѣщонныхъ во II отд., настоящаго выпуска, мы увидимъ еще нѣкоторыя представленія подолянъ о загробномъ мірѣ. Здѣсь кстати мы должны извиниться передъ нашими читателями въ томъ, что во II-мъ отд. настоящаго выпуска помѣщаемъ не загадки, какъ это мы обѣщали, а сказки, относящіяся къ статьѣ перваго отдѣла. Такъ какъ эти сказки имѣютъ близкое отношеніе къ статьѣ о похоронахъ, объясняя многія представленія изъ некромантическаго культа, то мы сочли нужнымъ отложить загадки до будущаго выпуска.

VII. Заключеніе.

Теперь сдѣлаемъ общее заключеніе изъ всего, доселѣ нами сказаннаго. При этомъ мы беремъ въ руководство слова Мажанди: »не всѣ народныя повѣрья такъ смѣшны, какъ онѣ вообще кажутся учоному предубѣжденію« и Лейбушера: »даже въ самыхъ смѣлыхъ и свободныхъ комбинаціяхъ народная фантазія дѣйствуетъ на есте-

ственномъ основаніи.« [49]) Мы только должны доискиваться этого основанія, и тогда народные предразсудки и обряды не будутъ казаться намъ смѣшными: они будутъ осмыслены для насъ; они будутъ окаменѣлостями извѣстной исторической эпохи. Тогда мы будемъ смотрѣть на нихъ съ естественной точки зрѣнія. Ботаникъ, при видѣ какого-нибудь ненормально выросшаго растенія, долженъ вникнуть въ причины этой анормальности, не винить въ томъ растенія, зная, что причина его анормальности не въ немъ, не въ его природѣ, а въ обстоятельствахъ при которыхъ оно росло. Съ такой же точки зрѣнія и мы должны разсматривать естественныя произведенія народнаго духа.

Мы знаемъ, что первые мыслители какого-нибудь народа для распространенія въ немъ полезныхъ свѣдѣній, добытыхъ ими, старались освятить ихъ авторитетомъ свыше, передавали ученіе свое отъ имени Бога, и зачастую прибѣгали къ мистицизму и облекали свое ученіе въ заманчивую форму. Конечно, они дѣлали это по

---

[49]) Leubuscher: Ueber die Wehrwölfe und Thir-vervandlungen im Mitt. Berlin. 1850.

той естественной причинѣ, что народъ, стоящій на низкой ступени развитія, еще не можетъ принимать истину ради самой истины: его плѣняетъ внѣшняя форма, въ которую облекается истина. Руководствуясь этимъ, мы можемъ объяснить нѣкоторыя, изложенныя выше повѣрья.—Извѣстно, что дрова бросаются въ печку »нароспалок,« какъ говорятъ подоляне, и что, если въ иголкѣ есть нитка, то ее не такъ скоро можно потерять. Слѣд. въ основѣ того, что по вынутіи хлѣба изъ печки, въ нее бросаются дрова, и что занятая иголка возвращается ея владѣльцу съ ниткою лежитъ очень простая цѣль, заключающаяся въ полезности этихъ дѣйствій. Но первый, кто дошолъ до полезности этихъ истинъ, сообразуясь съ духомъ народа, передалъ ихъ въ мистической формѣ, сказалъ, потому-де надо исполнять ихъ, что по дереву, брошенному въ печь надо будетъ вылѣзать изъ пекла, а ниткою, находящеюся въ иголкѣ, надо будетъ вытаскивать оттуда. Основаніе полезности лежитъ и въ томъ повѣрьи, по-которому въ пятницу не льзя золить бѣлья. Дѣйствительно, худа та хозяйка, которая въ пятницу золитъ бѣлье, потому-что, особенно зимою, она ни какъ не управится съ нимъ до воскре-

сенья, и оно будетъ только гнить. Потому-то и отсылаютъ такихъ хозяекъ въ пекло. Повѣрье это сильно укоренилось въ народѣ, и, должно думать, очень древнее. Вотъ мѣсто изъ Стоглава, подтверждающее наше мнѣніе: »по погостамъ и по селамъ и въ волостяхъ лживые пророки мужики и жонки и дѣвки и старые бабы, наги и босы, и волосы отростивъ, распустя трясутся, и убиваются, а сказываютъ, что имъ является св. Пятница и св. Анастасія, и велятъ имъ заповѣдывати канунъ засвѣчивати; онѣ же заповѣдываютъ христіаномъ въ среду и въ пятницу ручнаго дѣла не дѣлати, и женамъ не прясти и *платія не мыти*, и каменія не разжигати, и иныя заповѣдываютъ богомерзкія дѣла творити, кромѣ божественнаго писанія.« [50]) Нѣкоторые запрещеніе *золить* бѣлье въ пятницу и вообще производить какую-бы то нибыло работу (хотя послѣдній обычай теперь не существуетъ) объясняютъ тѣмъ, что пятница была посвящена Яссу (Перуну) [51]).— Естественное основаніе лежитъ и въ томъ повѣрьи, что душѣ легче, если на могилѣ растетъ дерево. Извѣстно что растенія очищаютъ воздухъ,

---

[50]) Вопросъ 21 гл. 40. [51]) Narbutt. т. I. стр. 8.

что́ особенно нужно тамъ, гдѣ разлагаются трупы. Достаточно вспомнить turris maecenatiana и исторію ея происхожденія [52]). Естественнымъ же обр. объясняется мистическое значеніе закрытія глазъ умершему, какъ мы это видѣли изъ сравненія этого обряда съ подобнымъ римскимъ обрядомъ.

Надо отдать народу справедливость въ томъ, что онъ иногда очень характеристично объясняетъ себѣ цѣль извѣстныхъ обрядностей. Извѣстно, что умершаго священника покрываютъ »воздухомъ.« Церковная археологія такъ объясняетъ этотъ обрядъ: »воздухомъ накрываются сосуды съ безкровными дарами; священникъ тоже своего рода сосудъ и носитель этихъ даровъ.« Но народъ по своему толкуетъ этотъ обрядъ: »попы дужэ заздрісні (завистливы), тым-то й по смерті закрывают ім очы, щобы закрыты від ных ўсіо.« Замѣчательно, что народъ всегда остается вѣренъ своимъ представленіямъ: еще въ былинахъ есть подобнаго рода типъ. Алеша Поповичъ, этотъ хитрый, изворотливый »бабіiі пересмѣшникъ и

---

[52]) Suet: Ner. 38. 31. Aug. 72. Tib. 15.

судейскій перелестникъ,« тоже любитъ засматриваться на золото и серебро. Это видно изъ словъ Ильи Муромца. Когда Добрыня увидѣлъископыть съ полпечи, витязи наши совѣщались кого-бы послать противъ могучаго богатыря, котораго отыскали слѣдъ. Рѣшили послать одного, другаго, но Илья не соглашался. Когда хотѣли послать Алешу Поповича, онъ сказалъ: »не ладно: Алеша увидитъ на богатырѣ много золота и серебра, засмотрится, и пропадетъ понапрасну.«

Не всегда мистицизмъ является преднамѣренно при извѣстныхъ обрядахъ и, такъ сказать, ante rem. По большей части, бываетъ обратное происхожденіе его, т. е. онъ является post rem. Иногда существуетъ какой-нибудь обрядъ, но первоначальное значеніе его для народа утрачено. По этому народъ придаетъ ему мистическое значеніе. Это явленіе сплошь да рядомъ замѣчается въ греческой миѳологіи. Оно встрѣчается также и въ церковной археологіи. Имъ можно объяснить и нѣкоторые обряды подолянъ.

Говоря о зажженной свѣчѣ, поставленной вмѣстѣ съ хлѣбомъ и водою, по выносѣ тѣла

изъ дому, мы сдѣлали предположеніе: не служитъ ли свѣча символомъ души, на томъ основаніи, что горящая свѣча въ южнорусскихъ сказкахъ часто символизируетъ душу? [53]) Къ этому мы должны еще прибавить, что потухшая свѣча при бракѣ служитъ предзнаменованіемъ скорой смерти. Слѣд. горѣніе свѣчи означаетъ жизненную силу, душу. Мы видѣли, что упыръ проходитъ мимо тѣхъ домовъ, въ окнахъ которыхъ появляется какой-то огонь. Должно думать, что эти представленія и символы—слѣды огнепоклоненія славянъ-язычниковъ. У поляковъ тоже можно видѣть слѣды этихъ представленій. »Na N. Pannę gromniczną« зажигаютъ столько свѣчъ, сколько есть родни въ домѣ: чія свѣча прежде потухнетъ, тотъ скорѣе умретъ [54]). Въ Dziadach Мицкевича, тамъ, гдѣ воспроизводится народная обрядовая сторона этого, ведущаго свое начало отъ языческихъ временъ, праздиества для вызыванія умершихъ душъ употребляется сожиганіе различныхъ предметовъ, какъ-то: кудели, прядева (kądzieli), лучины, вѣнца изъ освященныхъ цвѣтовъ и др.

---

[53]) см. ниже. [54]) Gołomb. ч. 2, стр. 153.

Мы уже замѣчали нѣсколько разъ, что народъ устроялъ загробную жизнь, сообразно съ своимъ бытомъ. Это мы видѣли изъ того, что умершему строятъ домикъ, домовину (tumulus). Мы сближаемъ слово tumulus съ словомъ домовина: tumulus есть не болѣе, ни менѣе, какъ видоизмѣненное уменьшительное отъ domus, вм. domulus — tumulus (t мѣняется съ d; *o* перешло въ *u*, потому-что t мягче d). Гробница Ярослава есть чистое подобіе дома. Мы еще знаемъ одно подольское повѣрье, въ которомъ домъ служитъ образомъ домовины. Вотъ оно: »хто збудуе дім, той скоро ўмре, як нэ забудував їого на чію-небуд' голову. Як забудував на собачу голову, собакы нэ будут дэржатыся коло того дому, як на котячу,—коты... Найбіл'шэ будують хаты на мысячу голову, щобы нэ було мышэй.« [55]) Домикъ умершаго снабжали различными предметами и продуктами, необходимыми для жизни. Мы знаемъ, что и римляне съ трупами сожигали fercula (различныя кушанья съ надписами) [56]),

---

[55]) Г. Новосельскій несовсѣмъ вѣрно передаетъ это повѣрье. Lud Ukr. t. I. str. 165.

[56]) Virg. Aen. VI, 223; Stat. Thed. VI, 126.

также одежды и украшенія, принадлежащія умершему и его родственникамъ [57]). Все это называлось *munera* vel *dona*. Такіе же *dona* были и у подолянъ: слѣды ихъ еще кой-гдѣ сохранились, какъ мы видѣли. Но подъ вліяніемъ христіанства эти dona болѣе и болѣе измѣняются. Теперь то, что предназначается умершему, не бросается въ могилу, а раздается въ честь его живымъ. Мы видѣли, что въ честь умершаго даются обѣды, что мать раздаетъ дѣтямъ вишни, груши и т. п. въ честь умершихъ дѣтей.

У славянъ-язычниковъ было вѣрованіе, что души безбрачно умершихъ по смерти будутъ вѣчно скитаться, не будутъ приняты въ созданный народною фантазіею рай. По этому надъ безбрачно умершими совершали свадебные обряды. Не помню какой то арабскій писатель передаетъ намъ совершеніе этихъ обрядовъ надъ умершими, хотя и не правильно толкуетъ значеніе ихъ. Остатокъ этихъ обрядовъ сохранился до настоящаго времени. Мы видѣли, что къ погребальнымъ обрядамъ дѣвушки и парубка присоединяются и

---

[57]) Virg. Aen. VI. 221; Lucan. IX, 175.

свадебные обряды. У поляковъ тоже есть слѣды этого стариннаго вѣрованія. Въ Dziadach является безбрачно-умершая дѣвушка и говоритъ о своихъ загробныхъ странствованіяхъ, что она не можетъ ни возвратиться на землю, ни пойти на небо, а должна вѣчно скитаться и заключаетъ такъ:

»Bo słuchajcie i zważcie u siebie,
Że według Bożego rozkazu,
Kto *nie dotknął ziemi ni razu*,
Ten nigdy nie może być w niebie.«

Въ статьѣ о гаивкахъ мы видѣли зародышъ этихъ толковъ въ погребальныхъ обрядахъ. Тамъ же мы говорили, что когда одинъ культъ смѣняется другимъ, тогда и представленія этихъ культовъ очень часто смѣшиваются. Здѣсь приведемъ одинъ примѣръ. По представленію подолянъ, свойственному всѣмъ народамъ, каждый человѣкъ при рожденіи получаетъ звѣзду. Паденіе звѣздъ означаетъ смерть. Очевидно, что здѣсь понятія некромантизма перемѣшаны съ астрализмомъ. Впрочемъ у подолянъ есть и другое объясненіе падающихъ звѣздъ, сложившееся въ пору антропоморфизма. У литовцевъ тоже есть подобныя представленія [58]).

[58]) Narbutt. t. I. str. 72.

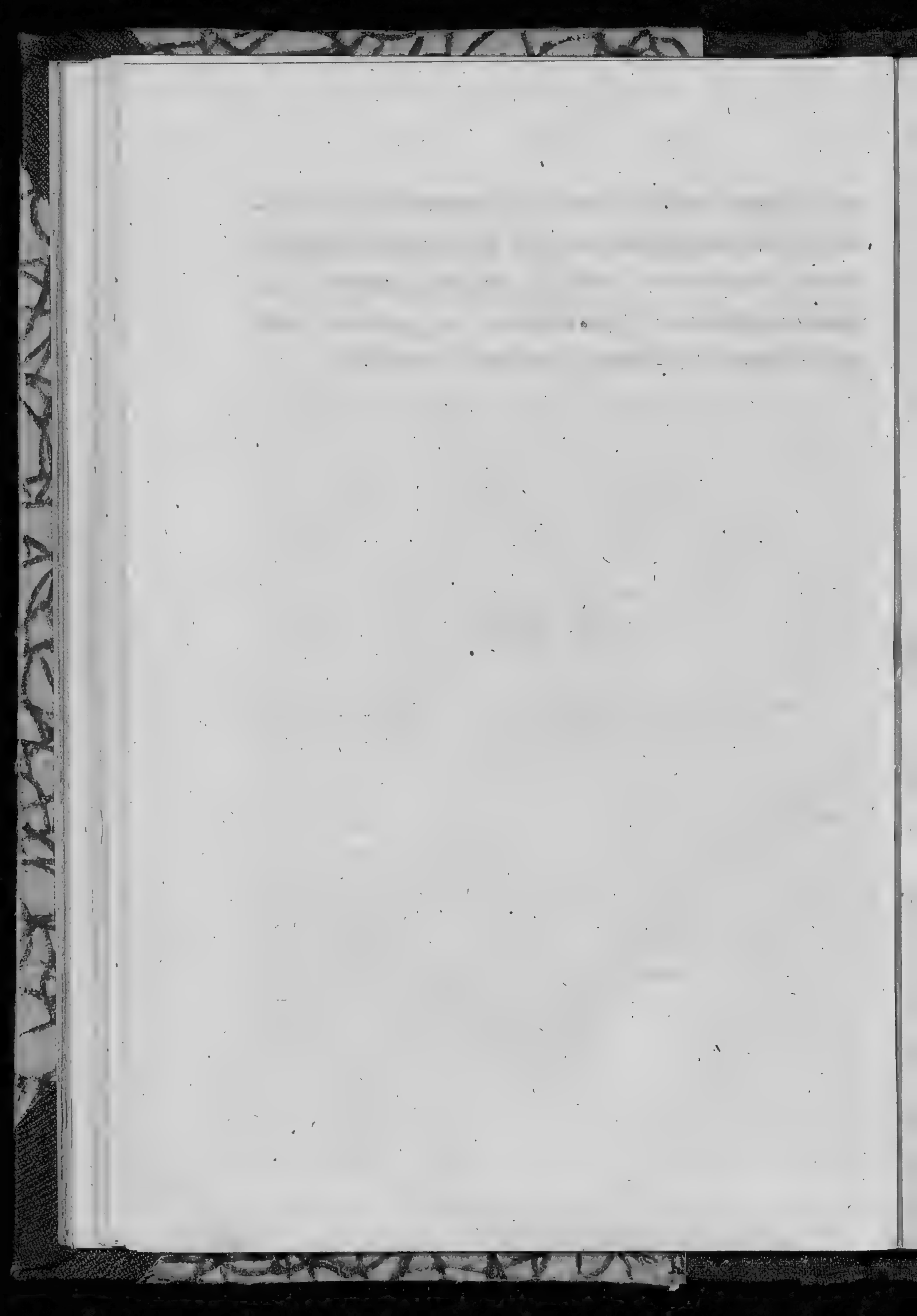
По общесловянскому вѣрованію мертвецы и упыри ходятъ ночью только до пѣнія пѣтуховъ. Мы нѣсколько разъ уже видѣли, что пѣтухъ имѣетъ какое-то отношеніе къ некромантизму. Здѣсь приведемъ еще нѣкоторые факты. Мы уже знаемъ, что гаивки въ нѣкоторыхъ мѣстахъ называются обрядами *kogutka.* Галицкіе русины въ новый домъ на первую ночь впускаютъ пѣтуха, и если онъ поутру поетъ, вѣрятъ, что домъ построенъ на счастливомъ мѣстѣ. Но мы знаемъ, что домъ есть символъ домовины; слѣд. пѣтухъ является здѣсь опять съ оттѣнкомъ некромантизма. На »фигурах« съ распятіемъ тоже изображается пѣтухъ. У литовцевъ были божества, извѣстныя подъ именемъ gulbi Dewas: ихъ было столько, сколько людей на свѣтѣ. Мужчины приносили имъ въ жертву пѣтуховъ, а женщины курицъ [59]). Эти древне-литовскія божества имѣютъ сходство со словянскими »родомъ и роженицами« (вилами), остатками некромантизма, смѣшаннаго съ астрализмомъ. Въ словѣ *нѣкоего христолюбца* сказано, что русскіе въ честь ихъ *»рѣжутъ куры.«* Изъ всего этого не льзя не видѣть,

---

[59]) Ibid. str. 103.

что пѣтухъ имѣетъ какое-то таинственное отношеніе къ некромантизму. Со временемъ, можетъ-быть, откроются данныя къ разъясненію этой таинственности. А разъяснять ее a priori, безъ надлежащихъ данныхъ, мы не намѣрены.

ОТДѢЛЪ II.

СКАЗКИ, ОБЪЯСНЯЮЩІЯ ПРЕДСТАВЛЕНІЯ ПОДОЛЯНЪ О ЗАГРОБНОМЪ МІРѢ.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, что бы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Кіевъ, 21 Апрѣля 1860 года.

Ценсоръ *А. Лазовъ.*

1. ЙВАН РОЗБІЙНЫК. [60])

Був собі чумак. Чумакував він чи-рік, чи-два; проглянув Божого світу. От поіхав він раз оу дорогу, а жінка його лышылася дома пры надіі; тут-тут мала родыты. Ідэ чумак, алэ зробылася сліота: болото таке, щой куды! А ту як на тее треба іхаты під гору. Бывся він с півдня: волы його ні з місця! Що тут робыты?

---

[60]) Въ I. Т. »З. о Юж. Р.« г. Кулишъ приклеилъ эту сказку къ другимъ, желая удовлетворить своему стремленію быть южнорусскимъ Дантомъ! На нее надо смотрѣть какъ на позднѣйшій варіантъ нашей сказки (стр. 309—311). Герой нашей сказки въ Галиціи называется Мадеемъ, а не Иваномъ. Мученіе, приготовленное для него въ аду, вошло тамъ въ пословицу:

»Przyjdziesz na Madejowe łoze,
Gdzie są same brzytwe i noze«.

(Zeg. Pauli P. I. polsk. str. 31—32). Эту сказку многіе перелагали въ стихи, напр. X. I. Hołowin'ski подъ именемъ: »Buława Madeja« (см. Nauka Poezyi H. Cegiel-

Аж ос́ являец'ця крывый, тай кажэ: я тобі поможу, тіл'ко запышы мэні то, що оу тебе є дома, алэ ты іого нэ знаеш. Задумався чумак. Думав, думав, що бы то таке було. Здавалос́ Наіому, що він обо оусім знае, що є оудома. Нарешті кажэ: згода!

Награмузляв він крівліою на картылюс́ці, що чортяці хотілос́, и оудух опэныв ся з возамы и воламы на горі, нібы там оуродывся. Поіхав він, куды го Бог провадыв. Чэрэз кіл'ка місяців счаслывэ повэрнувся до дому. Напротів ніого выйшла жінка с хлопчыком на руках, такым гарным, що нэ можна! Догадався чумак за кого

---

skiego. Wyd. 2. Poznan' 1851 str. 426—29) и г. Осташевскій подъ именемъ *Матей* (см. *Пів Копы казок.* Вил'но 1850 р. л. 48—57.) Жаль, что эти перелагатели, подобно г Кулишу, сочли нужнымъ перековеркать сказку. Такъ напр. г. Осташевскій не понялъ какъ народъ представляетъ себѣ сына чумака, и сдѣлалъ изъ него разгульнаго малаго. Онъ также по своему, а не по народному, представилъ мученія Ивана (Матея), символизированныя чортомъ:

»На піл з острых ножів чорта положылы,
Ланцухамы ж жэліза добрэ прыкрэпылы,
Вогон' жарыт під сподом аж ланцух чэрвоный.
Облывают смолою ще на оусі стороны,
З верху сірка кіпъяча капае як дощ«. стр, 55.

він нэ знав, та оударывся бідолаха по полам рукамы, а слїзы кіт'—кіт' из очэй! Та щож? З бісом справы нэ выграеш: пышы що пропало!

А хлопэц як на тее росте такый гарный, жвавый, тямущый та мыстэц', що аж ну! Чумак сумує так, що нэ можна! Оуже й чумац'тво їому нэ мылэ. Ба оуже хлопэц и выріс: чумак оусе ходыт як сам нэ свій. Раз прыстав хлопэц до него, и ну выпытуваты: чого він завшэ такый сумный. Довго чумак нэ хотів прызнаватыся, на рештї кажэ—таке й таке діло...

— Чому ж вы мэні давно нэ сказалы цїого? Кажэ сын: я давнобы оуже выграв справу оу чортів. Я зараз же выправляюс оу дорогу.— Бат'ко й маты довго нэ хтілы пускаты їого, прэсвадувалы їому, що ш чортамы нэ так-то лехко справытыся як їому здаец'ця. Нічого нэ помогло: він настояв на своім. Піду, тай піду, кажэ.

От бат'ко и маты выправылы їого оудорогу, а самі нэ плачут ні, алэ аж залываюц'ця слїозамы! А сынові, ані горушкы! Йде собі, та йде. Так можэ, як на половыні дорогы, був ліс

здоровецкый: що твій гумэнецкій против него! [61]) Щей росказувалы людэ, що оу тім лісі пануе знакомытый розбійнык Йван, котрый згубыв свого бат'ка й матір, кіл'ка попів оубыв за те, що нэ оумілы їого выcповідаты и багато дечого прыточувалы. Задумався трохы вандрівнык: а далі кажэ, що будэ, то будэ, треба йты. И пішов лісом.

Попався він нэборака оу рукы Йвана. Той почав роспытуваты їого звіткы він и куды йде. Слово по слову, сын чумака й росказав їому, що таке й таке діло, що він йде до пекла.—А колы так, каже розбійнык, то ты там роспытайся, яка мэні кара готовыц'ця. Памъятай же не забуд': як будеш вэртатыся, роскажеш мэні и выcповідаеш мэне. С цымы словамы пустыв їого.

Йде чумаченко, йде. Кіл'ко він йшов не знаю. На останку підійшов до пекла. Колы чуе, аж там гам, крык, зойк, варвідня.... Війшов він до пекла; чортякы плачут та варвідуют. Він и почав роспытуваты, що то з нымы за прыгода сталася? А воны їому й кажут: »як же

[61]) »Гумэн'ці«—село, находящееся въ 12 верстахъ отъ Каменца съ огромнымъ лѣсомъ.

нам нэ плакаты? Покі світа та сон'ця, ше жадэн... нэ пішов до раю, аж нын'ка така прыгода сталася. Та оуже й плач нэ поможэ!«

Роспытався чумаченко до кого їому піты по свому ділу. Показалы їому найстаршого рогача. Прыступыв він до нїого, росказав їому свое діло. Выслухавшэ, чортяка сказав: »це оуже діло крывого! Кіл'ко разів наказував я їому вести діло по козацки, а він оусе........... пускаец'ця на хытрощі! Почэкай лышев', ось я склычу раду.— Гей хлопці! закрычав так, що аж пекло затряслось.—Зійшлыся рішкаті й шуті, куці й фостачі старі й молоді. Сів старшый чорт посэрэдыні, тай став роспытуваты: »хто від чумака оузяв роспыску?« Нэма выновайця. »А чи оусі вы тут?« спытав він. Ні кажут їому: нэ ма йще крывого. »Я так и думав, що то їого справа.« сказав він. Тым часом и крывый сусул' оу пекло. Зараз оузялы їого на допросы. Нэ прызнаэц'ця псяюха, тай годі!

» А ну, хлопці, на тантуры іого, крыкнув, старшый. Роспаліт піч, та розігрійтэ пател'ню, та посадіт на нюю крывого.« Оудух оусіо поспіло. Крывый скорчывся, а тэрпыт, а ні пыснэ.

»Бачу, іому то нічого нэ шкодыт; він нэ прызнаец'ця. Воз'міт но іого на Йванову постіл'! сказав найстаршый чортяка. Почувшэ тее крывый мусів прызнатыся, як він знэволыв чумака даты запыс. Найстаршый чорт оузяв і, тай роздер. А чумаченко попросыв, щобы іому показалы Йванову постіл'. Вона оуся була на шпігована голкамы и шпыл'камы.

Повэртае назад сын чумака з выграною справою: дужэ нэ хочэ він здыбатыся з Йваном розбійныком; шукае другоі дорогы. Алэ як на тее нэ гадано оустрітывся з Йваном. Той и почав роспытуваты іого за свою кару. Розказав іому чумаченко оусіо. Тогді іому Йван кажэ: »ну сповідай же тэпер мэне!«

Рад нэ рад, мусів сповідаты и заоудаты іому покуту. Казав він Йвановы оузяты яблуніову булаву, которою він людэй розбывав, тай піткынуты оу гору, що є сылы. Піткынув Йван, булава оупала на землю и оустрягла до половыны. Сын чумака сказав Йванові носыты пыском воду на колінках и підлываты тую булаву, покы вона нэ прыймэц'ця, нэ зац'віте и нэ оуродыт ябка.

Заоудавшэ таку покуту, чумаченко пішов до дому и щасливэ добрався до ніого. Оусіо сэло було радо, а що бат'ко й матір, то нэ ма що й казаты! Як пішла поголоска, що він высповідав и заоудав покуту Йванові, громада зараз зробыла іого попом оу себэ. Попыв він кіл'канац'цят' літ. Раз поіхав він кудыс оу далеку дорогу. Дорога йшла чэрэз ліс. Оу лісі так запахлы яблука, що батюшка тіл'кы облызувалыся, тай пішлы по лісі, чи нэ знайдут де яблуні. От же знайшлы: під яблуніою сыдів дід дужэ старый, та оусе на небо дывывся. А яблуня була дуже расна. Батюшка догадалыс, що то Йван; струсылы яблуню, оусі яблука попадалы, тіл'ко двоі зісталос; це душі бат'ка й матеры.. Струсылы йще раз, ище ідно яблуко спало. Потрусылы третій раз, и остатнэ спало. »Ну Бог тобі простыв, кажут батюшка, и я тэбе прощаю!« Пры цых словах небо віч'чынылося, и воны обыдва булы оузяті на небо.

(Запысав оу Камъян'ці 1847 року.)

2. . . . .

. . . .

. . . .

Въ одной сказкѣ, извѣстной у подолянъ изображаются куріозныя похоженія москаля в пеклѣ; но, *по не зависящимъ отъ насъ обстоятельствамъ*, она не можетъ быть напечатана.

3. СМЕРТ' ЗА КУМУ [62]).

»Круты нэ вэрты,
Оусіо треба оумерты!«

Був собі дужэ бідный чоловік: нэ так-т давно він підъопав. Алэ тяжко іому прыходы лося: він поховав бат'ка, матір, четверо дітэй И оусіо, що було пішло на похороны та на по мынкы.

От родывся оу него сын. Думае собі він кого-бы тут за кума оузяты.« Треба найты та кого, хто правдою жые; біл'шэ нікого нэ воз'му!« Шукав він довго кумів, нэ можэ найты такого хто бы жыв правдою. Раз вечэрком йшов ві звіткіс: дывыц'ця на роздорожу під фігуров хтос сыдыт. Пітходыт він блішчэ и заходы оу розмову. Слово по слову, оузнае він що т

[62]) Варіантъ этой сказки есть у г. Осташевскаго под заглавіемъ »Мартынъ знахорь« стр. 116—124.

іерт' и просыт і за куму, бо вона жые правдою, юуважає ні на богатство ні на оуроду, ні нащо. эна нэ така була, знала що від хрэсту відрікатыся эможна,—пішла за куму. От и охрэстылы дытыну.

Кума кажэ свому кумові: »я нэ маю що ты тобі, як кума, алэ дам тобі пораду до ытя: буд' дохтором, лічы людэй. Як прыйдэш слабого и зобачыш куму свою оу головах, іло бэрыс лічыты; чого нэ даш іому, він від усіого выздоровіе. Як же зобачыш мэне у хоэго оу ногах, тікай дал'шэ, скажы просто, що ма поратунку, він оумре«

С цымы словамы пішла собі смерт'; а кум став дохтором и пішов оу гору. Ба оуже го й до панів сталы прыклыкаты, ба оуже н и кочом став іздыты, ба оуже й сам став аном. Чэрэз кіл'канац'цят' літ він знов здыбав зою куму під вечір на роздорожу. Вона запрозыла го до себэ оу гости. Вона жыла під зэмлією: доровецка хата оуся була освічэна свічкамы. [е-які з ных начыналы горіты, де-які догорувалы погасалы. Кум став роспытуваты—що то за вічкы. Смерт' кажэ: кажный чоловік, якый

тіл'ко є на світі, має тут свою свічку; як він тіл'ко родыц'ця, свічка запалюєся; як свічка гаснэ, він оумэрає.«

А деж моя свічка? пытає кум.

Кума показала му на свічку, котрої було так можэ з на тры цалі. Тогды кум став просыты куму, щобы вона піділ'ляла його свічку.

»Чи памъятаєш, що ты мэне оузяв за куму за то, що я жыю по правді? запытала його смерт'. Чи оужеж с тої поры, як ты став паном тобі нэ мыла правда?«

Почухався кум оу голову, тай пішов до дому и став роздумуваты-як-бы смерт' пэрэхытрыты. Росказав він зробыты собі таку постіл', щобы оудух можна було повэрнуты і, куды схочэ. Захурував він и ліг на ту постіл'. Тіл'ко кума станэ оу ногах, він постіл' крут'—и кума оу головах. Тіл'ко смерт' станэ оу ногах, він постіл' верт'—и кума оу головах. А смерт' йому кажэ: *круты нэ вэрты, а такі тре оумерты!«*

---

4. ЧОЛОВІК ВІД БОГУ.

Пры вэлыкім шляху була коршма. Туды зайшов чоловік від Богу. Там шын'кувалы жыды.

Жыда деć нэ було дома (поіхав на ярмарок, чищо), лыш жыдівка сыділа на шын'ку.

»А звіткі вы, чоловічэ добрый? стала вона роспытуваты чоловіка від Богу.

— Як-то звіткы? Від Богу, кажэ той: або тобі нащо?

— Гырстэ! То вы від самого Бога?

— Тож кажу тобі, що від самого Богу.

— То вы с тамтой ćвіт?

— Якый там тобі тамтой ćвіт? Кажу тобі, що я від Богу.

— Ну ну! Най будэ від Богу. Щож там мій татэлэ робыт? Він турік оумер.

Догадався чоловік оу чім діло, що вона зовсім нэ тямыт, що є річка Бог, тай кажэ:

То твій тато—старый Лейба? Ага! знаю, знаю: кланявся тобі.

— То вы бачыв іого, щоб вы здоров булы! щож він там робыт?

— Як-то що? Працює, а щож біл'шэ? Працює як той чорный віл: оуже обдерся зовсім, сорочыны люц'кої на нім нэ ма!

— Якаж там праця?

— Дрова возыты до пекла, або рубаты іх; воду возыты: там конэй ні волів нэ ма, оусе

людэ відбувают. И твій тато также мусыт відбуваты панщыну.

— Ей вей мір! Той там е панщыну? о бідный татэлэ!

— А ты думала, що там нэма панщыны? Паны й там панамы: [63]) воны собі сыдят оу котлах зо смолою, а мы підкладаем дрова під котлы, роспалюем мішаем оу котлах смолу, щобы панам добрэ було оу вій, щобы воны добрэ оукіпілы!

— А чи нэ можна чэрэз вас пэрэдаты що татові?

— Чому й ні? Він просыв, щобы іому полотна на сорочкы пэрэдаты.

— Добрэ, добрэ! Я зараз дам. Грошэй также іому пэрэдам.

Надавала жыдівка оусіого для свого татэлэ, и выправыла чоловіка. Аж ос надъіж'джае и

[63]) Изъ этого также можно видѣть, что представленія о загробномъ мірѣ слагаются изъ общественнаго быта. У литовскаго племени были такія же представленія, какъ у подолянъ: »Prutheni resurrectionem carnis credebant, non tamen ut debebant. Credebant enim si quis nobilis vel ignobilis, dives vel pauper, potens vel impotens esset in hac vita, ita post resurrectionem in vita futura Dusburg Part. III. c. 5. Также Gołomb. ч. 2. стр. 254.

чоловік Іос́. Чоловік від Богу здыбав іого и догадався, що за ным будэ погоня. Іому треба було йты чэрэз ліс. Він сховав оу гущавыні оусіо, що надавала му жыдівка, а сам став під крывою яблункою пры дорозі.

Жыдівка росказала Іосіові оусіо. А жыд, выслухавшэ, кажэ: ай вей! Отто дурна Сура! Поіду я, та відбэру від того чоловіка оусіо.

Ідэ Іос́, аж стоіт чоловік під яблун'кою. Іос́ и давай роспытуваты іого: чи нэ йшов тут чоловік?

— О пішов, кажэ, давно: оуже до сеі поры деś далеко він.

— А ты іого пізнаеш? пытае жыд.

— А чомуж ні?

— Як бы ты мэні догнав іого, я бы тобі заплатыв.

— Чи ж ты нэ бачыш, що я панщыну відбуваю: оц'цяя яблуня скоро оупадэ; бач як вона похылылася; мэні за панщыну сказалы підпэраты іі.

— Ну-ну! я підіпру іі, а ты сідай на коня та ід' доганяты того чоловіка.

— Алэ гляды, щобы яблун'ка мэні нэ оупала, трэмай і добрэ.

Пітпер жыдыско яблун'ку. А чоловік від Богу сів на коня, забрав оусіо, що іому надавала жыдівка, тай поіхав.

Чэкав жыд, чэкав. Ба оуже й вечэр, а чоловіка нэма. И від яблун'кы боіц'ця відступыты, щобы нэ оупала. А далі зібрався з духом, начав і рушаты пал'цем, алэ вона собі стоіт. Далі він и відважывся відскочыты трошкы від яблун'ки, вона нэ падае. Після й зовсім відступывся вона такы стоіт. Тоді оуже жыд догадався оу чім діло, тай пішов до дому, алэ нэ хтів сказаты жыдівці оусіо прзвду. Вона почала роспытуваты: де кін', а він кажэ: я догнав чоловіка, він як росказав мэні, що татэлэ воду возыт, то я дав коня; щобы було на тамтім світі чим воду возыты.

(Запысав оу Камъян'ці 1847 р.)

Дополненія къ *гаивкамъ*.

Считаемъ не лишнимъ замѣтить, что въ Индіи весенній праздникъ называется *Holi* или *Huli*. Во время этого праздника преимущественно об-

ливаются водою [64]). Подобный обрядъ извѣстенъ у всѣхъ славянъ. Подоляне обливаются водою преимущественно на 2-й день Свѣтлаго праздника и на проводы. У поляковъ этотъ обрядъ извѣстенъ подъ именемъ *Smigusa*.

Недавно мы получили отъ благочиннаго священника Проскуровскаго уѣзда М. А. Орловскаго, кромѣ многихъ пѣсенъ и колядъ, слѣдующее народное преданіе, относящееся къ гаивкѣ »Зельманъ:« »Во время уніи церкви, не принявшія ея были отдаваемы жидамъ въ аренду; жиды имѣли право печь просфоры и пасхальные хлѣбы. На испеченномъ хлѣбѣ жидъ ставилъ углемъ или мѣломъ свой знакъ. На свѣтлый празникъ, предъ благословеніемъ хлѣба, жидъ долженъ былъ осмотрѣть имъ-ли онъ приготовленъ, и тогда уже священникъ благословлялъ его. Но жидъ Зельманъ жилъ гдѣ-то далеко; поэтому въ одномъ селѣ хлѣбъ оставался не благословеннымъ до его пріѣзда. Было уже поздно, а жида нѣтъ, какъ нѣтъ! Наконецъ прихожане увидѣли, что Зельманъ ѣдетъ, и отъ радости начали плясать

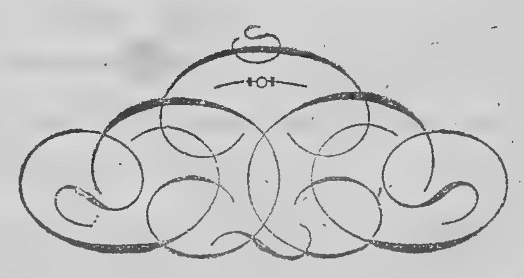

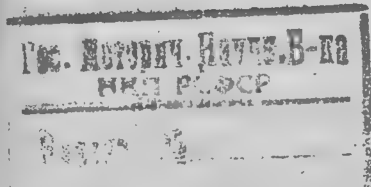
[64]) Dubois de Jancigni et Xavier Raymond: Inde. Paris 1845 p. 247.

около церкви, прикрикивая *»Зел'ман ідэ! Зел'ман ідэ!«*

Дѣйствительно, эта гаивка могла имѣть такое начало. Искренно благодаримъ г. Орловскаго за сообщеніе этого преданія, могущаго сколько-нибудь уяснить происхожденіе этой гаивки.

При описаніи гаивки Жельманъ мы замѣтили, что панну Жельманъ покрываютъ платкомъ [65]; но при этомъ забыли сказать, что обычай покрывать лицо выходящей за мужъ до сихъ поръ сохранился у евреевъ. Обычай этотъ былъ извѣстенъ также и въ древней Руси [66]. Остатки его и теперь еще кой-гдѣ сохранились.

65) вып. I. стр. 34—37.

66) Архивъ г. Калачова 1859 кн. IV Олеарій стр. 59.

